

ВИКТОРИЯ ОГУРЦОВА

БИТОЕ ЗЕРКАЛО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

*Он хотел, чтобы Фортуна ему улыбнулась...
Он не знал, что у неё улыбка самого Дьявола.*

Виктория Огурцова

Битое зеркало

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69363520

SelfPub; 2023

Аннотация

Павел Козелков был тем, кого называли "козлом отпущения". Если в школе у кого-то чесались кулаки, то мишень была выбрана задолго до этого. Он привык к издёвкам и унижениям, но даже таким, как он, иногда улыбается удача. Он ждал её ласковой улыбки всю жизнь, но оказалось, что у неё оскал сомнительного маргинала, а про методы "поддержки" можно даже не заикаться. И ладно бы на битом зеркале и одноклассниках дело кончилось, но никто не сказал, что, чтобы сладить с этой тварью, надо стать ещё хуже, чем он!

Содержание

Странный мужик в переулке	4
Обезумевшее Отражение	27
Его Имя	52
Воин	73
Точка невозврата	96
Две крайности	116
Покойся с миром	135
Десять лет	154

Виктория Огурцова

Битое зеркало

Странный мужик в переулке

Прекрасный день ознаменовал не менее прекрасную дату в календаре, которой было отмечено окончание учебного года. Вот оно, долгожданное тридцать первое мая, а после все выйдут на летние каникулы. Для ребят старшей школы этот день предзнаменовал счастливые три месяца свободы, бесконтрольного веселья и умопомрачительных приключений! Свобода – вот о чём мечтает любой учащийся... И, наверное, это единственное, что было у них общего.

Дорогой костюм был безжалостно испорчен, пиджак лежал на полу школьного туалета, по пухлым щёчкам текли горькие слёзы, пока закатанные рукава взмокли, а руки вытаскивали из унитаза вывернутые из сумки вещи. Если кто-то и ждал этого злостного лета больше всех в этом проклятом учебном заведении, то это был он.

Подымаясь на ватные ноги, несчастный парень собрал все свои вещи и понёс в раковину, дабы вымыть. Не сказать, что он не ожидал такого исхода, когда напоролся на любимых одноклассников, но искренне надеялся, что хотя бы один раз

в году сможет улизнуть от своей участи. Не в силах совладать с накатившими эмоциями, школьник обречённо поднял заплаканное лицо и посмотрел в своё отражение. Ненавидел ли он что-то больше, чем собственное отражение – вопрос на засыпку, но сейчас он разглядывал его в упор.

Короткие волосы были прилизаны так, словно их укладывали чугунным утюгом, без права на малейший побег. Пухлые щёчки, круглое лицо, заплаканные серые глаза и вселенская безысходность. А, вообще, на желеобразных щёчках дело не закончилось. Не сказать, что парень был прям жирный, но добрых кило десять ему следовало скинуть, хотя бы для отметки нормального веса.

Не в силах больше смотреть на собственную ничтожность в зеркале, школьник лишь стыдливо отвёл глаза и приступил к вымыванию своих вещей. Ничего, к тому времени, как он закончит, может ему повезёт, и он больше ни на кого не наткнётся. Верилось слабо, но, как говорится, самый страшный кошмар Ящика Пандоры – Надежда.

На часах уже было добрых половина третьего, любимые одноклассники ушли пировать и шиковать, но он точно знал, что ему в этой туче лучше не появляться. Собрав все вещи и накинув слегка просохший пиджак, мальчишка хотел только одного – незаметно выйти из школы и пойти вдоль улиц, как он делал это обычно. Сегодня ничего не задали, к летней программе он приступит после, а потому несчастный ботаник лишь осторожно прокрался в коридор, и уже собрался

покинуть ненавистное здание...

– Паша! – робкий женский голос окликнул сзади, от чего парня передёрнуло, и он опасливо поглядел назад.

Метрах в десяти от него стояла молодая блондинка лет шестнадцати. Она выглядела просто сногсшибательно: точёная фигура, выразительные карие глаза, длинные золотые волосы, однако платье на ней было закрытое и довольно скромное, в нежных пастельных розовых тонах. При виде одноклассницы сердце парня едва уловимо ускорило темп, но тут же вернулось к прежней частоте, на пару с мыслью: «даже не мечтай».

– Привет, Насть. – Павел слегка виновато улыбнулся.

– Ты уже уходишь? – так же виновато выдала девушка, зная, что эту тему лучше не поднимать, но всё же ей хотелось оказать поддержку хоть как-то. – Значит, до первого сентября не увидимся?

– Видимо. Я слышал ты уезжаешь с семьёй на лето.

– Да. – смерив друга тёплым взглядом, выдала блондинка. – У папы наметился проект за границей, так что всё лето проведём в Германии. А ты что будешь делать?

«Выживать! А если очень повезёт – Сдохну!!!»: пронеслось в голове несчастного юнца, но тот лишь улыбнулся шире и попытался выдать из себя некое подобие уверенности:

– Ну... Как обычно! Думаю подкачаться, скинуть пару кило, и кто знает, может к первому сентября приду в школу совсем другим человеком!

Сказать по правде, Насте не хотелось улыбаться, но она сделала это из вежливости и уважения. Наверное, она единственная в школе, кто уважал этого парня.

– Ну что ж. – мило улыбнулась блондинка. – Тогда до первого сентября.

– Да... До первого сентября.

На этом диалог закончился, а подруга направилась в сторону их класса, в котором развернулась прощальная пирушка. Паша смотрел ей в спину, а в голове мелькали мысли, от которых становилось тошно и тоскливо.

Настенька, шестнадцать лет, но летом исполнится семнадцать. Она была отличницей их класса, выступала на олимпиадах, представляла школу, была образцовой ученицей и просто хорошей девушкой. Сложно сказать, было ли это связано с излишним пристрастием блондинки к вероисповеданию, но она никогда не задирала слабых, помогла и поддерживала тех, кому нужна была помощь и поддержка, а потому Паша был влюблён в неё без памяти. Всё бы ничего, если бы...

Павел Козелков был, как бы это помягче выразиться... Есть подбитые птички, которым надо вправить крыло, а есть подбитые букашки, которых надо раздавить, чтобы не мучалась. Вот Павлик был из второй категории. Слабый, бесхарактерный, не способный, не то, что постоять за себя, а даже слово сказать против. Тучный, жалкий, в меру умный, но это его не спасало. Расскажите о том, как у вас не задался

день, и Паша расскажет о том, что он мечтает оказаться на вашем месте! У этого парня не задалась жизнь с самого первого вдоха и просвета видно не было. Объект всеобщего посмешище, издевательств, над ним изгалялись все, кому было не лень, и он ничего не мог с этим поделать.

Не желая оставаться тут больше ни секунды, школьник, едва ли не со слезами кинулся прочь из учебного заведения. День был просто прекрасным, солнышко припекало, птички пели, а Козелкову хотелось зарыться в яму и больше не вылезать никогда. Домой не хотелось, да и что дома?! А дома мама, которая уже наготовила целую тучу всякого «всякого», что будет упорно впихивать в своё обожаемое чадо без права выйти из-за стола, пока торт не будет съеден!

Сказать, что от этих мыслей у Пашеньки подкатил ком к горлу – это промолчать, только он не мог понять, какой именно ком подкатил и откуда. День не задался с утра, он проспал, любимые одноклассники избили паренька, вытряхнули сумку в унитаз, а дома не лучше. Повёрнутая на гипперопеке мать, властный отец, который сегодня вернётся из командировки, и единственное хорошее – он долго дома не задержится. Хотелось спросить, как он до этого докатился, но он катился по этой калии уже семнадцать лет!

Телефон он отключил, дабы тот высох, но был уверен, что мать скоро вызовет полицию, пожарных и поисковые отряды с собаками, а потому нужно было идти домой, но, мать бо-жья, как ему этого не хотелось! Вот случилось бы чудо рас-

чудесное, чтобы он домой вообще не попал! Прекрасное желание, которое, однозначно, кто-то услышал свысока.

На часах было около пяти вечера, когда Несчастный шёл мимо какого-то тёмного переулочка. Оттуда доносился шум возни, и школьник лишь рефлекторно глянул в ту сторону. Картина была «знакомая до дрожи»: кучка поддатых отморозков зажала какого-то ботаника в угол и выбивала деньги. Сделать очкарик ничего не мог, а потому выдал всё, лишь бы его отпустили, но ребятам было мало, они хотели «крови».

Что может тучный пухляк, которого сегодня уже славно так приложили о крышку унитаза? Ничего, абсолютно, а потому Паша решил просто пройти мимо, дабы не ввязываться в неприятности. Он свою дозу издевательств за сегодня получил, но стоило пройти ему пару метров, как вдруг ноги сами остановились, а в прилизанной голове мелькнула какая-то крайне несовместимая с выживанием мысль. Этого не надо делать... Ну не надо!

– Пожалуйста. – уже открыто плакал зажатый ботаник. – Отпустите меня! Я всё отдал, честно!

– Смотрите, ребята, он плачет! – заржал один из гопников и достал нож. – А что ты ещё умеешь?

Чем бы закончилась эта потасовка? Скорее всего нарядом местов, или заявлением, убивать никого не собирались, но кое-кто ввёл свои коррективы.

– Эй! – раздался неуверенный голос со стороны, от чего гопота отвлеклась и посмотрела на готового грохнуться

в обморок «защитника», что держался из последних сил. – Оставьте его!

Это зрелище было настолько из ряда вон, что гопота оцепенела, чем незамедлительно воспользовался очкарик, выхватил из рук отморозка свою сумку и кинулся прочь. Ошалелые парни яростно глянули на убегающую жертву, после чего явно подметили, что «вечер продолжается». Да, в том, что ему надо бежать, он не сомневался ни на миг, но тут такое дело... Он провалил все нормативы по бегу.

Всё, что помнил Пашенька, это летящего гопника, какой-то мат и темнота. Очнулся Козелков, когда на небосводе уже зажигались звёзды. Избитый, в разорванной одежде, с вывернутыми карманами и без сумки, парень пытался нащупать у себя хоть что-то кроме ран и ссадин. Ничего: ни ключей, ни мобильного, про деньги можно даже не заикаться. Костюм убит в хлам без права на воскрешение, а потому сегодня ему устроят разнос не только за потерянные вещи и разбитую мордашку, но и за костюм.

Честно говоря, в голове мелькал только один вопрос: «Почему... Ну почему... Ну почему его не убили?!». И ведь, шакал трусливый, хоть бы подмогу позвал, так нет же, удрал! М-да уж, правду говорят: «протягивая руку помощи, успеешь увернуться от пинка благодарности».

Ноги не держали, всё тело болело, а потому, силясь не завывать от боли, парень сел на холодный асфальт, упёрся спиной в стену и прикрыл подбитые глаза. Ну и что он скажет

родителям? Мама, я тут встретил толпу отморозков, они зажимали ботаника... Тупо. Господи, как это тупо и жалко. И почему его не доби́ли?

– Хорошо тебя размалевали. – тихий мужской голос заставил парня поднять глаза и тут холодок прошёлся по побитой спине.

Перед ним стоял мужчина очень недоброй наружности, а широкие плечи покрывала тяжёлая косуха. Малость бешенные глаза сияли хищным огнём, как и звериный оскал. В том, что этот мужик не самого простого пошива Паша не сомневался, но всё же не понимал, зачем он тут стоит. Хотел бы обчистить – уже бы сделал.

– Кто ж так прёт на гопоту, малой? – в издевательской манере общения проскальзывало какое-то сочувствие, после чего маргинал осторожно присел на корточки перед побитым школьником и ехидно вздёрнул бровь. – Тебя отец учил соизмерять силы?

Козелков молчал, не в силах и слова выдать, потому что единственное, чему его учил отец: не вякать, когда не спрашивают... Да и когда спрашивают, особо рот не разевать.

– Я думал ты за друга заступился. – тихо хихикнул похожий, смерив мальчишку жалким взором. – А этот гад взял и удрал. Хреновые у тебя друзья, парень.

– У меня их нет. – одними губами прошептал парень, уже готовый получить в морду.

– А чего на рожон полез тогда? – гость не стал дожидать-

ся ответа, а лишь как-то по-братски пригладил выбившуюся прядь и брезгливо глянул исподлобья. – Тебе по чесноку сказать, парень? Как мамкин пижон выглядишь, смотреть тошно. Ты бы, прежде чем на этих придурков кидаться, хоть бы костюмчик снял.

Он молчал, сам не зная, почему именно, но что-то в этом голосе не давало убежать, или разреветься. Маргинал же лишь как-то обречённо усмехнулся и поправил разорванный в ключья воротник школьника.

– Как тебя зовут, шкет?

– Павел. – безразлично ответил парнишка.

– Павел. – хищно облизнулся мужчина и оскалился в весьма неоднозначной улыбке. – Ну, Павел, скажи мне! У тебя не было сил, не было друзей, не было шансов... Но на гопоту полез. Зачем?

Школьник молчал с пару секунд, после чего прикрыл глаза, а по щекам потекли слёзы:

– Я не знаю.

– Мозгов тоже нет. Эх, печально. Подозреваю, что в школе тебе совсем несладко, я прав?

Козелков силился не разревется, а вот мужик, напротив, тихо хихикнул и юркнул в карман. Сказать по правде, если бы сейчас этот упырь предложил бы ему кокс, тот бы отказался лишь за неимением денег. Но вместо пакетиков с дурью, странный прохожий достал из кармана косухи какую-то затёртую книжонку. На её обложке не было никаких опозна-

вательных надписей, а если и были, то давно стёрлись. Никогда прежде Козелков не слышал, что дурь можно перевозить в книгах, хотя, что он знает о дури и том, как её перевозят?

Мужчина же не стал томить паренька и просто протянул ему книгу. Она была очень маленького формата, карманного типа, и совершенно неприметная. Павлик не понимал, а взгляд напротив становился всё острее и ярче. Этот псих что-то задумал.

– Что это? – дрожа выдал парень.

Школьник не торопился принимать подарок, но всё его внимание было сосредоточенно на книге, от чего он взвизгнул, стоило случайному прохожему схватить того за шею и притянуть к себе вплотную. Его взгляд пробирал до костей, лицо перекосило в лёгком безумии с нотками азарта, однако в глазах было какое-то выжидающее умиление. Тек не смотрят на человека, которому хотят втолкнуть дурь... Так смотрят на того, кому предлагают из кого-то дурь выбить.

– Я вижу тебя, Павел. – гаденько выдохнул мужчина, обжигая разбитое лицо своим дыханием. – Я вижу тебя насквозь, ты, маленький жирный засранец. Тебя бьют в школе каждый день, ни одна баба не взглянет в твою сторону, а родакам плевать, они смотрят на это сквозь пальцы. Рукоблудишь на хентай и «Лолек», судорожно подчищая историю, чтобы мамка не спалила, надеешься вырваться из этого убожества, но от себя не убежишь, малыш. – мужчина сочувственно похлопал юнца по разбитой щеке и вытер большим

пальцем слёзы. – Ты настолько жалок, Пашенька, что начинаешь кидаться на львов, потому что терять уже нечего. Завалишь – хорошо, сожрут – ещё лучше! А это даёт надежду.

– Надежду на что?!

– На то, что Дракон, связанный цепями и втоптанное в землю, ещё расправит крылья и спалит всё, что находится вокруг! – маргинал угрожающе навис над напуганным юнцом, от чего второй вжался в стену, дрожа сжимая книжонку. – Ты кинулся на гопоту, зная, что у тебя нет ни единого шанса даже в теории, и всё же, в тебе есть огонь, который жаждет вырваться наружу. Ты отдалённо не представляешь, мальчик мой, на что ты способен... Тебе надо просто... Немного... Помочь.

С этими словами массивная лапа положила руку на книжонку в дрожащих пальчиках, и придвинула её к груди. Даже через рваный пиджак и слой жира, он чувствовал, как бьётся это сердечко, и почему-то ему от этого становилось спокойнее. У него было хорошее предчувствие, и от этого оскал на лице становился шире.

– Что это за книга? – дрожа выдохнул школьник.

Парень заговорчески сощурился и глянул в напуганные глазки.

– Ты в Бога веришь?

– Нет, не верю!

– Отлично. – с энтузиазмом выдал мужик. – Значит шансы на успех сильно возрастают.

А вот от этих слов Павлу поплохело, и он вжался в стену ещё сильнее. Мало ему было одноклассников, гопоты, так теперь ещё и сатанист какой-то нарисовался. Что за день такой?!

– Делай, Павлик, всё, что написано в этой книжонке, и поверь мне... Твоя жизнь круто изменится.

– Круто изменится, говоришь? – издевательски выдал юнец. – Ну и почём такая книжонка?

– Нипочём. Я тебе её дарю.

– И с чего бы такой подарок?!

– Ты мне нравишься, Павел, в тебе есть... Огонь. Это первое.

– А второе?

Мужичина припустил голову и улыбнулся шире.

– Она мне больше не нужна. Свою задачу в моей жизни она выполнила, а потому, когда она выполнит свою задачу в твоей жизни, отдай её тому, когда она нужнее. Не всё в нашем мире решается за деньги, иногда это делает судьба... Ну что ж. – тут сомнительный мужик резко поднялся на ноги и направился прочь. – Бывай, Павел!

– Стой! – резко всполошился паренёк и с трудом поднялся на ватные ноги. – Ты кто вообще такой?!

– Я – Неудачник, Павел, каких свет не видывал! – маргинал повернулся к пареньку полу боком и подмигнул. – Я свой путь чрез адское пламя прошёл, теперь твоя очередь. Не ищи счастья и силы там, где нет боли и страха, и помни:

мечи куются в огне! Сделай всё так, как написано, и поверь, ты удивишься тому, чем тебя сделает эта книжонка.

– И чем «таким» она меня сделает?!

– Ты не поверишь – Тобой! Она сделает тебя «Тобой», Павлик! «Тобой» настоящим, и когда она это сделает... Отдай её тому, кому она нужнее.

На этом абсолютно непонятный разговор непонятого прохожего закончился, а избитый Козелков остался в темнющем переулке, без денег, вещей и мобильного, с какой-то крохотной книжонкой в руках. Всё выглядело как-то странно, неоднозначно, но вид его оставлял желать лучшего, а потому парнишка направился домой.

Наверное, даже гопники не напугали его столь сильно, как перепуганная мать, что едва не снесла двери, когда увидела своё избитое чадо. У несчастной случилась истерика, она уже собралась звонить в скорую, если бы отец не пресёк. Вот такого поворота судьбы пострадавший не ждал, хотя и знал, что глава семьи приезжает сегодня.

Отец отличался не только суровым нравом, но и довольно неоднозначным отношением к сыну. «Презрением» это назвать было сложно, но и «Любовью» язык не поворачивался. Властный, где-то даже излишне деспотичный, он чётко давал понять, кто в доме хозяин, и ему не нравилось то, в каком состоянии пришло его чадо.

«Что люди о тебе подумают?!»: эти слова Пашенька мог слышать по двадцать раз на дню, и в том, что ребёнок не

подходит по критериям «Гордости Отца», ему вдалбливали едва ли не с рождения. Не тот характер, не те взгляды, вид, хребет, иными словами – Негоден.

На другой чаше весов была мама, которая была точной противоположностью, и, наверное, лучше бы была такой же, как папа, чем то, что было! Из огня в воду – вот как можно было описать супругов! Деспотичный отец, и совершенно бесконфликтная и излишне заботливая мать, что сдувала с сына пылинки, гладила рубашки, готовила кашку, договаривалась с врачами, провожала в школу, со школы, читала дневники, переписки, могла войти в ванную, просто взять полотенце под предлогом «что я там не видела», и... Это его семья.

– Что с тобой случилось? – холодно и с нотками раздражения выдал глава семейства, глядя на избитое чадо.

– Ко мне пристали в переулке. – стыдливо соврал сын.

– Что ты делал в переулке? – не унимался мужчина, ответив сыну крепкую пощёчину. – Только не говори мне, что ты в таком виде по городу шёл!

– У меня украли деньги, я не мог вызвать такси!

– Не ной! Выглядишь, как пугало, а ведёшь себя ещё хуже!

Поток «ласковых слов» снизошёл на парня настоящей лавиной, пока мать стояла за стенкой, боясь хоть что-то сказать. Она никогда не вмешивалась в разборки отца и сына, и не только потому, что могла сама получить по первое число, но и потому, что банально не умела отстаивать своё мнение,

чем активно пользовался «любящий супруг».

Экзекуция длилась почти полчаса, после чего чадо, с позором отправилось в свою комнату. Говорить не хотелось, есть не хотелось, жить не хотелось, только заснуть и больше никогда не просыпаться. Отец грозился остаться тут на неделю, чему школьник был ох как не рад. Ладно, надо потерпеть всего неделю, а после батя сгинет и мать снова начнёт залюб-ливать и закармливать ненаглядное чадо. Чего греха таить, так она успокаивалась.

На людях это были идеальные родители и любящая семья, которые жили душа в душу, всегда помогали, обожали своего единственного сына и жили в достатке. На деле же это был бесконечно всем недовольный отец, который срывался на мать и ребёнка по делу и без дела. Мать, которая не могла ничего ответить, а потому выплёскивала всё это в гиперопеку над чадом, явно забыв, что ему уже не пять лет, да и вообще, необходимо личное пространство. Ну и, собственно, сам Павел, который был посмешищем везде, даже в собственной семье. Семейка Адамсов, хотя... В той всех любили.

Как обычно, без стука, мать вошла в комнату, принеся своему любимому сыночку тарелку макарон с сыром, подливкой и тремя котлетами. Сама она ела мало, но чадо грозилась закармливать до самой смерти. Никакого садизма, она просто очень сильно его любила... Хотя ко врачу любящий сын сводить маман хотел.

– Я не голоден. – нервно выдал побитый подросток.

– Не говори ерунды! – даже немного грубо выдала женщина и поцеловала сына в макушку. – Ты сегодня вляпался по самый не балуй!

– Папа мне уже об этом сказал.

– Папа устал. У него была напряжённая неделя, контракты, он просто перенервничал.

– Мама, меня избили в переулке! – начал терять над собой контроль подросток. – У меня отняли все вещи и вырубали, а он спрашивает, почему я в таком виде на такси не приехал?! У меня телефона не было, чтобы его вызвать!

– Ты утрируешь. Папа тебя любит, иногда он не сдержан...

– Мама. – тут на серых глазах реально навернулись слёзы отчаяния. – Пожалуйста, выйди из комнаты.

– Ну вот опять ты начинаешь!

В этот момент мальчишка просто рухнул на кровать, из последних сил пытаясь не слушать истерику матери. Снова она начала говорить что-то про то, что он не ценит родителей, что ему всё даётся легко и безвозмездно, начала плакать. А Павел слушал, слушал... Слушал.

Сказать по правде, он бы и не вспомнил, когда конкретно мать вышла, но стоило двери закрыться, как на душе заметно полегчало. Матерь Божья, как ему это надоело, и почему эта гопота в переулке его просто не убила... Гопота.

Украдкой юркнув в карман брюк, Козелков достал оттуда странную книжку, которую ему вручил не менее странный чувак в переулке. Сатанист или нет, это было не важно, но

сейчас ему было жизненно необходимо отвлечься от насущных проблем.

Да, он не сомневался ни на миг в том, что там была описана какая-то сатанинская белиберда. Что-то про призыв каких-то душ из чистилища через зеркало, да и вроде бы бред, но чтиво затягивало. Что-то было тут странным, а если точнее – всё, а потому школьник лишь как-то отрешённо покачал головой и закинул книгу под матрац. Делать ему больше нечего, кроме как каким-то сатанизмом заниматься!

Решив немного развеяться, парень, игнорируя тарелку на столе, подошёл к своему компьютеру и решил проверить соцсети. Его страница была закрыта, ибо если этого не делать, там начинался настоящий помойный ящик, а сейчас на ней была тишь да благодать. Ни одного сообщения, всем плевать, никто не поздравил с окончанием учебного года, и когда натюканный ботаник уже собрался закрыть интернет, из вкладки сообщений пришло уведомление. Даже с некой опаской, парень перешёл по ссылке, и в душе заметно потеплело. Ну кто мог ему написать, кроме Настеньки?

Почти с любовью разглядывая каждую букровку, Паша не особо вникал в смысл. Там били пожелания удачного лета, хорошо провести время, и надежды увидеть в новом учебном году счастливого и улыбчивого одноклассника. Козелков смотрел на всё это дело, как вдруг понуро опустил голову, и мысль продать душу дьяволу уже не казалась такой абсурдной.

Тот вечер он провёл как в тумане, и хуже его было только утро: мать устроила разнос, почему Пашенька ничего не съел, отец просто не смотрел на сына, всем своим видом давая понять, что ему неприятен сам факт его существования, а парень сидел и просто существовал в это «любящей семье». Он не видел отца пару месяцев, и единственное, о чём сейчас мечтал, это чтобы легенды о том, что батя уедет на всё лето в командировку за границу, оказалось правдой.

Первая неделя лета особо не отличалась от типичного учебного года, если не считать, что тут ему не приходилось каждый день терпеть унижения одноклассников. Во всяком случае, он так думал.

В очередной раз идя по улице в сторону магазина, к, и без того выжатому парню, на машине подъехали любимые «друзья по школе». Он хотел сделать вид, что никого не заметил, но ребята решили, что будет прикольно окатить паренька из лужи, а после швырнуть банку с пивом в голову. Они не стали дожидаться реакции, а просто уехали дальше, сопровождая шум машины лютым гоготом.

Павел стоял несколько минут, грязь и вода стекала по идеально белой рубашке, пока в голове мелькали не самые приятные мысли, после чего он как-то странно поглядел в сторону уехавшей машины и подозрительно сощурился. Он знает, что будет дальше. Он знает это так хорошо, что может расписать всё, до малейшей минуты... Почему?

Почему вся его жизнь – это один проклятый день, из ко-

торого он не может вырваться? До него словно дошла прописная истина, которую он понял только сейчас, и вот от этого реально стало страшно. Он проживает один и тот же день вот уже семнадцать лет, и ничего не изменится, но неужели ничего нельзя сделать? Почему-то в голове вновь возникла мысль о чудике в переулке, и что-то внутри зашевелилось.

Даже не столько от отчаяния, сколько чисто из спортивного интереса, парень вернулся домой, и прямо в грязной рубашке направился в свою комнату. Достав книгу, он решил просто прочитать, что там написано, но, спустя пару минут, лишь тяжело вздохнул. Обряд призыва не сильно отличался от «Вызова Пиковой Дамы», похожие символы на зеркале при свечах, правда рисовать надо собственной кровью.

Вот на этом пункте Козелков замялся, так как с этого стало крайне неприятно. Это в мультиках и фильмах кажется, что порезать палец легко, а на деле это довольно сложно психологически. Однако школьник решил задаться целью основательно, а потому потратил два часа на то, чтобы окончательно потерять любую надежду!

Идея порезать палец ножом накрылась медным тазом, потому что порезать себя Пашенька не мог и точка. Через час экзекуций в дело пошла иголка, которой тоже пробить подушечку оказалось не так легко. Несчастный палец уже был исколот и опух, мальчишка был едва ли не в истерике, как вдруг на плечо упала тяжёлая рука, а «любитель селфхарма» вздрогнул и обернулся.

В этот момент душа ушла в пятки, а отец очень недобро поглядел на то, как сын пытается проткнуть себе кожу. Так же негодование вызывала и убитая грязью рубашка, которую Павел так опрометчиво забыл переодеть. Ловко откинув все колюще-режущие предметы, парнишка зажмурился, а родитель за шкирку поставил отпрыска перед собой и злобно посмотрел в глаза.

– Ты чем занимаешься? – в голосе слышалось напряжение и неприкрытая злоба. – Тебе делать нечего? Пострадать захотел? – ловко вздёрнув паренька, мужчина притянул его к себе вплотную. – Тебе так плохо живётся, бестолочь? В глаза мне смотри!

Подросток никак не отреагировал, чем окончательно вывел отца из себя, и тот со всей дури ударил сына кулаком в челюсть. Контузило знатно, губу рассекло основательно, кровь потекла по подбородку, а сам мальчишка рухнул на пол.

– Дурик. – брезгливо выдал глава семейства и вытер кулак. – Собрал всё это недоразумение, ненормальный.

С этими словами мужчина вышел из комнаты, оставив сына одного. А как вы прощаетесь с детьми, уезжая в командировку? Во всяком случае у Павлика было две хорошие новости: первая – отец уехал на всё лето, а вторая...

Украдкой утерев разбитую губу, Козелков глянул на окровавленный палец и в голове что-то щёлкнуло. В конце концов, он ничего не теряет, да и отец велел ему не появляться на глаза.

Ловко выудив книжонку из-под матраца, парнишка боялся издать хоть один лишний звук, но, благо, в его шкафу было встроено зеркало. Мать могла войти без стука в любой момент, а потому нужно было быть на стрёме, но школьнику было уже всё равно. Сейчас Мамуля бросила все силы и внимание на то, чтобы собрать любимого супруга в длительную командировку, а значит, у него было несколько свободных минут.

Со стороны это выглядело ещё более убого, чем то себе представлял сам «молодой сатанист». Тучный ботаник сидит на полу с разбитой губой и рисует на зеркале какие-то знаки, макая палец в разбитую губу. Убого, жалко и даже немного страшно. Надеялся ли Козелков на какой-то успех? Ни на что он не надеялся! Просто ему надоело постоянно быть центральным в этой череде замкнутого кошмара и хотелось чего-то новенького.

И вот, кровавые рукописи на стекле зеркала были завершены, после чего паренёк сверился с книгой и отрешённо посмотрел в отражение. Он смотрел на избитого неудачника, от которого его выворачивало наизнанку, но, тем не менее, смотрел уверенно и твёрдо. Сейчас главное не накосячить, как обычно, а потому он дотошно всё подправил и вновь взгляделся в учебник. Всё правильно, можно начинать.

– *Что в век сквозь тьму по свету ходит.* – шептал подросток, неотрывно глядя в своё отражение. – *Покой чьи души не находит... С той стороны, ища пути... Приди!*

В этот момент сердце замерло, он до дрожи вгляделся в зеркало, явно ожидая, что оно сейчас расколется, как вдруг... Ничего. Абсолютно ничего не изменилось, ни тут, ни там, из-за чего Козелков захлопнул книгу, опустил голову и понял, насколько же тупо он выглядит. Едва ли не с размаха закинув макулатуру куда-то под кровать, любящий сын, игнорируя наказ не менее любящего отца «не появляться на глаза», отправился в ванную за тряпкой. Намочив ткань, мальчишка уверенно глянул в зеркало напротив.

Оттуда на него посмотрел побитый жирный неудачник, который только что, сам не зная, зачем, пытался вызвать, сам не знал кого. М-да, а говорят ботаники – умные ребята. Решив не вступать в перепалку ни с кем, Козелков вернулся в свою комнату и протёр зеркало. Кровь не выела на поверхности никакие символы, портал в другое измерение не открылся, и единственное, что ощутил Павел – лютый идиотизм своих действий. Вот чего он вообще хотел?!

– Пашенька. – мать, как всегда, вошла без стука, но заметив, разбитое лицо своего сыночка лишь попыталась натянуть улыбку. – А ты я погляжу, уборкой занимаешься?

– Угу. – обречённо выдал юнец. – Папа заходил.

– У папы тяжёлый период в жизни.

– У папы последние семнадцать лет тяжёлый период в жизни.

– Пашенька, не начинай!

– Он разбил мне лицо! – не выдержал подросток. – А что

он разобьёт мне в следующий раз?!

А дальше началась перепалка, от которой хотелось выть. Мать выгораживала отца, оправдывая его действия, в конечном итоге выставляя сына виноватым во всём. Она тупо не слышала, хотя, скорее всего, просто не хотела слышать и признавать правду, а потому, когда дело дошло до слёз, она ушла в истерике запираясь в своей комнате.

Крыша ехала уже знатно, за окном вечерело, а потому спать он пошёл ещё засветло. Помыв руки и почистив зубы перед сном, Павел злобно смерил своё отражение в зеркале, после чего недовольно цокнул и брезгливо сплюнул в раковину. Этот день просто отвратителен, и он закончится сейчас!

С этими думами паренёк направился в свою комнату, улёгся спать и отвернулся к стенке. Единственное, чего он сейчас хотел, это больше никогда не проснуться.

Обезумевшее Отражение

Если очень рано лечь спать, то мозг может выкинуть интересную штуку. Первая: рано заснул – рано встал, но такое прокатывает только при постоянном режиме раннего подъёма. Вторая: провалялся в кровати до трёх ночи, ненавидя себя и всех окружающих за свой сбитый режим дня, после чего засыпаешь уже ближе к рассвету. А есть третья: вырубиться от нервного напряжения, и проснуться посреди ночи. Вот у Павлика был именно третий вариант.

Знатно перенервничав, парнишка вырубился довольно рано, но проснулся посреди ночи, дабы избавиться от лишней влаги в организме. Настроение было разбитым, как и ноющая губа, спать хотелось страшно, однако юнец лишь отрешённо направился в санузел. Что может случится по дороге в туалет? С Пашенькой? Да всё, что угодно! Этот увалень притягивал к себе все недоразумения, что были в этом мире, но привычка есть привычка, а потому после туалета, парень направился мыть руки. Глаза слипались, да и опухли со вчерашней истерики, и всё же, чисто на рефлексе парень поднял голову и уставился в своё отражение в зеркале.

Он даже не понял, что увидел, да и на миг ему показалось, что он спит, правда, чем больше он вглядывался в отражение, тем тревожнее становилось. Там не было никаких мон-

стров, никаких кикимор, там был он, помят и несвеж, с опухшими глазами, и... Улыбался. Улыбался такой спокойной и добродушной улыбкой, как улыбаются соседям и знакомым.

Сказать по правде, подросток опешил и сделал шаг назад. Отражение повторило тоже самое, как и положено, но слабая улыбка никуда не делась. В целом, оно делало всё, что должно было, только улыбалось, от чего школьник легонько хлопнул себя по щекам. Это последствие истерики, переутомления, а быть может он просто спит? Что происходит?!

Медленно, почти крадясь, затюканный ботаник приблизился к зеркалу и взгляделся в серые глаза напротив. Это его лицо, ничего необычного, но почему оно улыбается? Может он улыбается, просто не знает об этом?

Украдкой проведя пальцем по своей губе, парень осторожно провёл подушечкой до самого уголка, и слегка потянул вверх. Отражение сделало тоже самое, как вдруг слегка усмехнулось и подмигнуло. Павел оцепенел, проморгался и осторожно приблизился вплотную так, что зеркало немножго запотело. В том, что он спит, он уже не сомневался, но решил всё же удостовериться, а потому осторожно коснулся пальцами зеркала и только захотел провести ими по гладкой поверхности...

Руку прижало к стеклу так, словно он прилип к оголённому проводу, всё тело сковала судорога, а сам мальчика не мог пошевелиться и даже отвести взгляда от ухмыляющегося отражения. С пару секунд парализованный парень глядел

на двойника, как вдруг некто в зеркале растянулся в воистину зловещем животном оскале, и, чёрт подери, рот парня исказила та же гримаса. Было больно, разбитая губа зверски заныла, рана разошлась, а кровь потекла по подбородку, но сейчас это было неважно.

Вторая рука, по велению отражения, поднялась и мягко легла на зеркальную поверхность, когда Павел уже хотел кричать от ужаса. Ему было так страшно, но он не мог издать даже звука, как вдруг отражение припало к стеклу и начало шептать, от чего мальчишка повторял в такт:

– Fortes fortuna adiuvat. – почти с любовью выдохнул готовый рыдать в голос Козелков, когда отражение пригнуло голову обоим и хищно облизнувшись продолжило. – Удача благоволит смелым.

С этими словами отражение отстранилось на пару со своим хозяином, после чего осторожно начало стучать пальцем по зеркалу. Сначала тихо, украдкой, словно пробуя поверхность на прочность, а после увереннее. Лёгкое постукивание переходило в угрожающие удары, вместо одного пальца, уже была ладонь, как вдруг парень крепко сжал руку в кулак и занёс для удара. В этот момент перед глазами школьника пронеслась вся жизнь, а бешенный взгляд серых глаз из зеркала вспыхнул адским огнём, и буквально в это же мгновение последовал оглушительный удар и звук питого стекла. Костяшки срезало в кровь, осколки полетели на пол и раковину, но Павел этого уже не видел и не слышал. Вместе с зеркалом у

него размылась картинка перед глазами, рассыпаясь на тысячи стеклянных осколков, выдёргивая паренька куда-то в сторону, а дальше только тишина, страх и темнота.

Темнота обволакивала так, что была практически осязаема, он ничего не видел, ничего не чувствовал, как вдруг что-то рядом пронеслось. Павел тот захотел закрыться, но не смог нащупать руки. Он вообще не чувствовал тела, пытаясь понять, куда он попал, а незванный гость тем временем приблизился вплотную.

Такое странное чувство, словно статическое электричество исходило со стороны, как ему показалось, чужака. Что вообще происходит?!

– Так и будем молчать? – голос заставил бы вздрогнуть, если бы у него было тело.

– Ты кто?! – опешивши закричал Козелков в темноте. – Что ты тут делаешь?!

– Я? – в голосе слышались нотки издевательства и интереса. – Это ты мне скажи. Ты ведь меня сюда вытащил.

Козелков опешил так, что не знал, что сказать. Неужели получилось?! Серьёзно?!

– Как же ж ты жалок. – обречённо выдохнул некто.

– С чего ты это взял?! – обижено выдал парень.

– Я вижу твою жизнь. – брезгливо продолжил неизвестный. – Она жалкая и бессмысленная. Во что ты себя превратил, ничтожество?

– Я тебя сюда не за этим позвал! И вообще, ты кто такой?!

– Максимус.

– Что?

– Максимус. – холодно повторил голос. – Это моё имя. А твоё имя, стало быть, Павел?

– Эм... Да, я – Павел.

– Нет, ты – ничто, до «Павла» тебе ещё надо дотянуть.

– Послушай, я не знаю, кто ты такой, но...

– *Что в век сквозь тьму по свету ходит. Покой чьи души не находит... С той стороны, ища пути.*

«Приди»: пронеслось в сознании, от чего школьник лишь ещё сильнее сжался. Не так он себе это представлял.

– Ты звал меня, Павел... Я пришёл.

– Хорошо. – рвано выдохнул подросток, сильно страдая с того, что не видит своего оппонента. – У меня тут ряд проблем есть и...

– Мне это неинтересно.

– Подожди, а разве ты не должен...

– Тебе? – перебил говорящий. – Я тебе ничего не должен.

– Стой. – опешил Козелков. – Но... Зачем ты тогда пришёл?

– Хороший вопрос. – даже сквозь непроглядную тьму Павлик почувствовал, как это нечто оскалилось до самых ушей. – Не каждый день тебя выдёргивают из чистилища. Времена, как я погляжу, поменялись... А значит у меня будут новые зрители. Интересно.

– Ничего интересного! Если ты...

Не успел местный «козёл отпущения» договорить, как ощутил непонятное прежде состояние, словно вокруг тебя сжимается воздух, да так стремительно, пытаясь выдавить все соки с твоего естества. Это было ужасно, это было больно, это было страшно, и только тихий брезгливый смешок собеседника заставил его отвлечься от агонии.

– Такой маленький, жалкий, ничтожный... И ещё пытается что-то мне вякать. А ты забавный, я дам тебе понаблюдать.

– Понаблюдать? – рвано выдохнул паренёк, не в силах вдохнуть. – За чем?

Нечто оскалилось шире, после чего Козелков почувствовал, как над ним что-то угрожающе нависло, и только после этого в темноте вспыхнули два серых огня.

– За моей жизнью, Павел.

Утро выдалось солнечным и даже вчерашние события не могли омрачить прекрасное утро. Любящая родительница хлопотала на кухне, упорно думая, чем побаловать своё любимое чадо, а потому на весь дом разносился запах изумительных блинчиков. Не в силах больше ждать, когда обожаемый сын проснётся, она направилась в сторону его комнаты. Настроение было приподнятым, а потому матушка уверенно шла в комнату, как вдруг под тапками что-то хрустнуло. Всего секундное замешательство, женщина подняла непо-

нятный предмет и опешила.

Зеркало, а точнее осколок от него. Сказать по правде, это знатно напрягло, и она вгляделась в пол. По всему коридору валялись мелкие кусочки, которых становилось всё больше по мере приближения к ванной. Неприятное предчувствие закралось в душу, и та поспешила заглянуть в санузел, после чего буквально вскрикнула от увиденного.

Осколки зеркальной поверхности усыпали всю раковину и пол, где-то были следы крови, уже засохшие капли, но не было виновника происшествия. Нет, она не была в бешенстве, а лишь до смерти перепугалась и побежала проверить своего мальчика. В том, что что-то случилось, хозяйка не сомневалась, но стоило ей распахнуть двери, как от души отлегло.

Павел стоял в повседневной одежде возле зеркала, которое было встроено в шкаф, и придирчиво разглядывал своё отражение. Как-то неоднозначно, и даже с некой брезгливостью, чадо тыкало себя пальцем в жировые отложения, после чего злобно рычало и скалилось. Он был не в духе, чего не сказать о его матери.

– Пашенька, я так испугалась! Что случилось в ванной?! – почти плакала мамочка. – Сынок, ты меня слышишь?!

– Слышу. – на отвали выдал парень, не отрываясь от отражения.

– Почему в ванной разбито зеркало?!

– Потому что отражение в нём – самое отвратительное, что я видел в своей жизни. – не своим голосом прорычал

юнец, глядя на стеклянную поверхность, едва ли не сдерживая приступы рвоты. – Я и это зеркало разобью, чтобы глаза не мозолило.

Повисла тишина, а женщина на миг выпала из реальности. Почему её воспитанный мальчик так выражается, так ещё и в её присутствии? От вида какого-то «не такого» чада, та лишь попятилась назад и попыталась улыбнуться:

– Сынок, не надо бить зеркала. Ладно, не важно, что там с зеркалом в ванной, пошли завтракать.

– Я не пойду.

– Пашенька, не капризничай!

– Я дважды повторять не буду.

Даже не столько слова, сколько эта интонация заставила женщину буквально оцепенеть от страха. Он не смотрел на мать, и это единственное, что давало той гарантию, что чадо её не ударит... В остальном она была не уверена, хотя и собралась с силами.

– Павлик. – чуть слышно и с опаской выдала матушка. – С тобой всё хорошо?

– Хорошо?! – вот тут парень буквально взорвался и посмотрел на мать, как на мясо. – Посмотри на меня! Да я отвратителен! Я настолько отвратителен, что меня тошнит от собственного отражения!!! Кусок сала, пригодный лишь для того, чтобы быть забитым на корм свиньям!!! Как можно было довести своё тело до такого состояния?! – парень вновь глянул в зеркало и рвано выдохнул. – Да меня сейчас вырвет!

– Пашенька. – голос матери заметно дрогнул, а сама она лишь криво улыбнулась. – Пойдём на кухню. Я блинчики приготовила, и...

Зачем она это сказала?! Парень резко повернул голову в сторону матери, и что-то ей подсказывало, что сейчас её саму в этот блин завернут.

– Я так понимаю, что то, что я тебе сказал, тебя вот вообще не... Стимулирует к деланию выводов. – рычало чадо.

– Павлик, что с тобой? – мать уже не скрывала паники. – Сынок, ты ведёшь себя странно, прекрати пожалуйста. Ты меня пугаешь! Ты просто...

– Охренел! – парень закончил фразу за мать и указал в зеркало. – Я посмотрел в зеркало и просто охренел с того, что увидел. Это настолько лютая мерзость, что у меня даже матерных слов нет, чтобы выразить всю глубину того, что я думаю о всей этой социальной и экономической параше, которые мы любовно называем «семьёй». – школьник вновь глянул в зеркало, сдерживая рвотный позыв, демонстративно взъерошил волосы на голове, расстегнул пуговицу на вороте рубашки и направился прочь из дома. – Мне надо подышать.

– Павлик. – родительница резко перегородила путь. – Сынок, ты не в порядке. Ты никуда не пойдёшь, пока...

Не успела матушка договорить, как сын закинул её на плечо, словно мешок картошки и прошёл с ней в гостиную. Вообще не церемонясь, Козелков просто швырнул маман на ди-

ван и направился к выходу. Станет какая-то сердобольная овца ему чего-то указывать! Она даже не поняла, что произошло, как за чадом захлопнулась дверь, а сам парень скрылся из виду за несколько минут.

Шёл он быстро, сам не зная куда, желудок сводило от голода, но ему было плевать. Его взгляд был твёрд, как сталь, из которой ковали лучшие мечи, его выворачивало от состояния собственного тела, и единственное, что он хотел – вернуть себе то, что было его по праву.

– Что ты сделал?! – послышалось на затворках сознания. – Ты бросил маму на диван!

– А ты хотел, чтобы я продолжил? – мысленно ответил Максимус, пока по лицу юнца скользнула гаденькая ухмылка. – Там, откуда я родом, инцест не был зазорным делом.

– Прекрати, это не смешно!!! Ты что вообще творишь?!

– Я творю, что хочу, так что привыкай.

Сказать этой твари что-то поперёк было себе дороже, а потому всё, что мог сделать Пашенька – только наблюдать, как некто, овладев его телом, творил беспредел. Идя вдоль улиц, желудок вопил так, что казалось начал разговаривать, а Максимусу было фиолетово. Он пёр, как на таран, даже не думая останавливаться, чем привлёк внимание местных задир.

Тяжело быть достоянием общественности, особенно если эта общественность делает всё, чтобы отравить тебе жизнь. Местные задиры знали Павла, как объект всеобщего издева-

тельства, а потому поспешили подъехать к нему поближе и что-то вякнуть. Тот не повёл даже бровью, уверенно глядя вперёд себя. Ребята привыкли к тому, что неудачник никогда не отвечал им, а только отводил глаза и терпел унижения, но в этот раз всё было как-то по-другому. Он смотрел прямо, высоко подняв голову, спина была ровная и крепкая, как скала, а лицо явно давало понять, что до этих насекомых ему тупо нет никакого дела.

– Эй, Пашка! – всегда уверенный голос заметно напрягся, после чего тот таки нагнал паренька и схватил за плечо. – Ты чего такой гордый тут ходишь?!

Павел замер и медленно повернулся в сторону незваного гостя, от чего того передёрнуло. Один взгляд серых глаз говорил о том, что ты – ничто, твоё место в могиле, и вообще, иди кормить червей, твой удел – только это.

– Убери руку. – это был самый настоящий приказ, от чего пацан опешил и убрал ладонь. Козелков же лишь повёл плечом и брезгливо продолжил. – А теперь сгинул.

Сказать по правде, эта фраза отрезвила, но до конца ребята пришли в себя лишь тогда, когда ботаник умотал уже далеко. Нет, они не могли стерпеть такого, но вдогонку за подростком никто не кинулся. Что-то с этим неудачником сегодня было не так.

Шёл он молча, идя напролом и не видя людей, пока не дошёл до самой окраины. Тут была заброшенная площадка, на которой школьник был всего раз, но этого было достаточ-

но, чтобы Максимус увидел её. Никого нет, а значит никто не увидит это позорную тучную свиную тушку, что заставляла бравого воина от и до испытывать ярость и чувство собственного несовершенства. Так дело не пойдёт... Это не его тело.

Подав контрольный посыл на все группы мышц, школьнику хотелось выть. Такое свинство, такое пренебрежение к собственному достоинству, и только сплошное нытьё в голове. Мерзость.

Ничего не жравши, усиленно таская железо и прочий инвентарь, тело выдохлось за час. Это был крах, которого он просто не мог стерпеть, а потому задался целью, во что бы то ни стало, превратить эту ничтожную оболочку в гранённый сосуд, чьё совершенство сравнимо лишь с его содержимым.

Домой он направился, когда уже вечерело, шёл тем же путём, уставший и злой, на себя и других, однако зоркий взгляд уловил уже знакомую компашку. Нет, он не боялся этих придуриков, он вообще ничего не боялся, а потому, когда к нему подошла ущемлённая компашка, он глядел ровно и твёрдо.

– Ты сегодня какой-то на редкость уверенный в себе. – хихикнул один из хулиганов, но не встретив никакой реакции, улыбка сошла с лица. – Что, осмелел, Козелков?

– Дай пройти. – холодно выдал парень.

– А если не дам, то что?

– Вспорю брюхо и вырву яйца. – всё так же холодно и остро выдал ботаник.

Парень резко опешил, но оппозиций не сдавал:

– А силёнок то хватит?!

– Проверим?

Вот тут зажало у всех, стало совсем не смешно, а губы Павла коснулась едва заметная ухмылка. Да, он ждал этого. Страх... И он его почувал.

– Ты совсем страх потерял, жиртрес?! – парень не стерпел такого, а потому замахнулся. – Да я тебя...

Это был точечный удар костяшкой в грудь, от которого перебило дыхание, но не успели парни сообразить, как Павел с размаху долбанул одного из них по шее. Профессионально ударив в кадык, он не сломал его лишь потому, что не ставил целью, но был вынужден признать, что бить стало больнее, чем раньше.

Округлый пухляш вмиг проявил небывалые навыки ближнего боя, ломая суставы короткими редкими ударами, стирая собственные костяшки в кровь, как вдруг зоркий глаз увидел что-то блестящее. Увернувшись от ножа и порезав штаны, ботаник злобно зарычал и с размаху ударил парня в морду. Сустав щёлкнул, стало дико больно, но он не из тех, кто падал замертво.

– Дьявол. – выругался Козелков и посмотрел на напуганного качка, как на мясо. – Я убью тебя, ублюдок.

Выставляя перед собой нож, почему-то у торчка не возникло ни малейших сомнений в словах Пашеньки, а сам школьник лишь дождался удобного момента, чтобы подсесть,

после чего отработанным движением выломал плечевой сустав, выхватил нож и тут-то масса и сыграла на руку.

Взгромоздив на себя воющее с боли тело, паренёк буквально впечатал его в стену, после чего выхватил нож, прорезал им майку уroda до самой горловины, слегка поцарапав кожу, выудил лезвие и всадил нож в стену на два сантиметра аккуратно промеж ног в непростительной близости от «самого важного».

– Мне? – передразнил пухляш, глядя в напуганные и уже мокрые глаза местной гопоты. – Мне, тварь, всего хватит. Ещё раз увижу на этой дороге – вспорю брюхо и вырву яйца. Я повторил тебе это дважды... Третьего не будет.

С этими словами бывалый неудачник вырвал из стены нож и швырнул гопника на землю. Тот был напуган до одури, однако серые очи смотрели на него, как на насекомое, которому он разрешил сегодня жить. Медленно глянув на ублюдков, что жались и прятались друг за друга, парень поудобнее перехватил нож, после чего швырнул. В этот момент вся топа оцепенела, а лезвие пролетело аккуратно возле глаза одного из отморозков.

– Всех касается. – хищно выдохнул паренёк, оглядев уже открыто трясущихся гопников. – Всех вас.

С этими словами Козелков просто развернулся и ушёл в направлении дома, пока толпа пыталась понять, что происходит. Откуда в этом бездарном куске сала столько сил и навыков ближнего боля?! Этот вопрос волновал не только го-

поту.

– Тебя кто научил так драться?! – голос Павлика раздался в голове.

– Мой отец. – мысленно ответил Максимус.

– Ничего себе! Да ты держал в страхе весь район!

– Можно и так сказать.

– А кем был твой батя?!

– Рабом.

Повисло неловкое молчание, после чего робкий голос паренька раздался с каким-то страхом:

– Твой отец был рабом?

– Дьявол. – тихо выругался молодой парень, глядя на то, как возле подъезда уже собрались машинки с мигалками. – А я думал, моя мамаша – конченная.

Не дожидаясь ответа от бывшего владельца заплывшей шкуры, Максимус, на правах хозяина, просто вошёл в дом и направился в сторону своей квартиры. Матушка уже трубила во все колокола, однако при виде сына разрыдалась и кинулась обнимать. Ловко увернувшись от объятий, парень всё так же спокойно обошёл полицию и направился в свою комнату. Честно, блюстителю закона опешил так, что даже не сразу кинулся следом за юнцом:

– Эй ты!

Подросток лишь повернулся и посмотрел на полицейского, как на «продукт жизнедеятельности», немного криво усмехнулся и наклонил голову в бок:

– Ну допустим, я.

– Ты ничего не хочешь объяснить?!

– А что я должен объяснить?

– Попроще тон, мальчик. – возмутился страж порядка и указал на заплаканную мать. – Ты понимаешь, что перепугал своих родителей?!

– Чем?

– Тебя не было сутки дома!

– Меня не было дома с одиннадцати утра, сейчас семь вечера, в чём проблема?

– Почему ты не отвечал на звонки?!

– Потому что неделю назад местные дебилы разбили мой телефон, а любящий папочка не счёл необходимым давать мне новый. А вам об этом не сказали?

Повисло неловкое молчание, мужчина явно смекнул, что где-то родительница сильно перебрела и преувеличила, но ему не нравилось то, как говорит этот ребёнок, причём не только с матерью, но и представителями закона.

– Парень, послушай. Я понимаю, мать где-то сильно перегибает, но ты должен понимать, что твои родители...

– Вы хотите поговорить о моих родителях? – издевательски оскалился юнец и хищно выдохнул. – А давайте поговорим. С кого начнём? С отца, который избивает жену и сына?

– Паша! – резко вырвалось у женщины, но она тут же притихла, глядя, как на неё посмотрели блюстители закона.

А Пашенька словно этого и ждал. Широко улыбнувшись

вмиг наострившим уши служителям закона, парень шёл, как по подиуму, с выражением выделяя каждое слово:

– Давайте поговорим про папу! Из командировок он возвращается обычно на неделю, и всю эту неделю с семьи не сходят синяки. Вы не верите? А вы у мамы спросите! Она вам ничего не скажет, она семнадцать лет меня убеждает, что, если батя бьёт сыну в морду с плеча – это у папы нервная работа и контракт не сложился. Что поделывать? Правильно! понять и простить! Она любовно готовит тебе блинчики, и тащит тональный крем, чтобы замазать синяки. Ладно, шу-чу, нет никакой тоналки, дома то всё равно никто не видит. – тут подросток ухмыльнулся и приложил руку к рассечённой губе. – А вам мама не рассказывала, как папа вчера со мной попрощался? Звёзды из глаз сыпанули хорошо, но это просто у батяки нервное настроение, серьёзные бабки крутятся.

– Паша, хватит! – не выдержала женщина. – Прекрати!

– Или что? Тоже в морду дашь? – школьнику нравился произведённый эффект, а потому он лишь уверенно глянул в глаза служителя закона. – Знаете, что, дядя... Вас выдернули сегодня из участка, потому что семнадцатилетний пацан ушёл на прогулку в законные каникулы, даже не нарушая каких-то временных нормативов. Отсутствие телефона оправдано бездействием родителей, и, если вы думаете, что вам не подфартило... То я живу в этой семье уже семнадцать лет. Ещё будут вопросы касательно моего отношения к происходящему, или мы можем закончить?

Сказать было нечего, однако мужчина отступить не соби-
рался, смерив неоднозначным взглядом немолодую хозяйку.
У него явно будет несколько вопросов к этой особе, от чего
юнец лишь самодовольно оскалился, развернулся и напра-
вился в сторону своей комнаты. Ему было плевать на ментов
и на родителей... Он любил только себя.

– Ты что наделал?! – бесновался голос Павла в голове. –
Как это вообще называется?!

– Справедливость, мой дорогой друг. – ехидно хихикнул
Максимус. – Эта фигня называется «Справедливостью».

– Ты хоть знаешь, во что эта твоя «Справедливость» вы-
льется?!

– В «Наказание» по статье «Домашнее насилие». А разве
ж ты не этого хотел?

– Я хотел другого!

– А мне плевать, чего ты хотел. Ты свои «хотелки» засу-
нул глубоко и надолго, туда же запихал «язык» и «гордость»,
вот и сиди теперь... А я буду делать то, что хочу, и, если твой
папаша посмеет посмотреть на меня так, что мне не понравится – я разорву его на части. Уяснил?

– И что, ты будешь рвать на части всех, кто тебе не нра-
вится?!

– А ты сообразительный. Я думал – тупой.

– Но так нельзя!!!

– Можно, Павел, можно. – гаденькая ухмылка растяну-
лась по лицу немного тучного паренька, что глядел в зерка-

ло шкафа своей комнаты, любовно проведя по контуру лица подушечками пальцев. – Это тебе нельзя, друг мой сердешный, а мне можно всё... И я получу всё, что сможет мне дать этот мир.

Даже не столько сами слова, сколько взгляд помутневших серых глаз, что скользнули по собственному отражению, заставил всё естество школьника сжаться от ужаса. Кого он призвал? Что от него ждать? И самое главное: как от него избавиться?

Последующие два месяца лета проходили относительно спокойно в семье Козелковых. Они не цапались, не ругались, ели отдельно, и в этом был весь секрет – они не пересекались. Родительница в ужасе глядела на своё чадо, что поутру куда-то уходило и возвращалось только под вечер. Рацион паренька изменился, теперь он ел только мясо и овощи, в комнате появился замок, и даже график времени, когда можно стучать. Всё это пугало не на шутку взволнованную мать, которая не понимала, что происходит, и, когда казалось, что хуже уже быть не может... Полиция выдернула главу семейства из командировки.

Сказать, что любящий отец пришёл домой в бешенстве – это промолчать. Когда ему сообщили, что на него заведено дело о «домашнем насилии», он думал, что перебьёт всех ещё по дороге, но больше всего его злило то, что этот нелепый инцидент спугнул крупного спонсора!

Открывая дверь в дом, супруга смотрела на своего мужа с

выражением «я тут не причём», да и не она была целью гнева мужчины. Казалось, он сейчас просто разорвёт своё чадо, а потому, прямо не разуваясь, отец кинулся к двери сына, и это было первым удивлением.

На двери было время, когда можно беспокоить, что уже само по себе вызывало удивление. Сладив с накатившими эмоциями, мужчина дёрнул ручку, но дверь оказалась заперта. Едва ли не на цыпочках, женщина подошла к мужу и опасно прикрыла рот. Запал злобы слегка сошёл, от чего глава семейства грозно посмотрел на супругу:

– Марина, почему дверь закрыта?

– Я не знаю. – одними губами шепнула хозяйка. – Артём...

С ним что-то не так. Он изменился, и ты даже не представляешь, насколько.

– Ладно, разберёмся. – с этими словами мужчина начал стучать в дверь. – Павел, открой дверь сейчас же! Павел, я сказал: «открой дверь»! Ты вообще меня слышишь?!

– Он не откроет, Тёма.

– В смысле «не откроет»?!

– Артём! – тут супруга вцепилась в рукав дорогого костюма, а на глазах навернулись слёзы. – Ты не понимаешь! Я не знаю, что с ним стало, но это... Это не Пашенька!

– Что за чушь ты несёшь?! – бесновался родитель, вырвав руку из хватки супруги и начав рьяно долбить рукой в дверь. – Паша, последнее предупреждение!!! Если ты сейчас же не откроешь дверь, то...

Не успел батя договорить, как дверь распахнулась, и глава семейства даже не понял кого увидел.

– Или что? – злобно прорычало чадо, глядя на перепуганного родителя. – Что ты сделаешь, батька?

Честно, у мужчины земля ушла из-под ног, когда он увидел... Чёрт подери, это не его сын!

Короткие пряди слиплись от пота, вся комната была переделана в некое подобие тренажёрного зала, из неё разило потом, но вовсе не это пугало кормильца семьи. Перед ним стоял парень семнадцати лет, и с его сыном их роднил лишь один цвет глаз и волос. Ещё бы, он умирал на тренажёрах и тренировках с диетами целых два месяца, и это дало свои плоды.

Поджарый и крепкий, как натасканный доберман, ни грамма лишнего жира, всё тело, словно канаты, обтягивали мышцы и видимый рельеф. Лицо схуднуло, выражая острые черты и контур подбородка, шея была такой, что казалось, об неё можно ломать палки, а взгляд...

Он стоял перед отцом в одних трениках и смотрел, как на грязь, которую надо вынести на улицу и вытереть мордой об асфальт. Широкая спина была в напряжении, под кожей перекачивались мышцы, а на лице парня был воистину зловещий оскал.

– Что ты сделаешь, папочка? – почти пропел юнец, глядя, как родитель бледнеет на глазах. – Не ожидал такого поворота? Ждал жирный бройлер?

– Что с тобой стало? – только и смог выжать из себя Артём, в ужасе глядя на сына, которого мог узнать только по голосу.

– Да я тут взвесил свои взгляды на жизнь. – ехидно выдал мальчишка, облокотившись на дверной косяк. – Ты мне тогда в хлебало дал с плеча, а я задумался... Чего это ты меня lupишь, батя... А я тебя нет?

– Павел. – нервно выдал мужчина, опасливо отступая назад. – Ты это... Осторожнее со словами.

– Или что? – усмехнулся паренёк и выпрямился. – Кстати, я тут кое-что тебе задолжал.

Не понравилась отцу интонация сына, но всю тщетность бытия он осознал, когда из глаз посыпались звёзды. Так в морду его не был ещё никто и никогда, причём с такой силой, что хрустнула челюсть. Земля ушла из-под ног, мужчина упал на пол, матушка оцепенела, а сынок лишь ехидно выдал:

– Вот, папочка, теперь мы квиты. А чтобы больше подобных должностных обязательств у нас не случилось, информирую тебя, правда, только один раз. – выдал подросток и злобно зарычал. – Если ещё хоть раз ты осмелишься поднять на меня или мать хотя бы голос... Клянусь, ты – нежилец. Ты до конца своих дней будешь жрать через трубочку, потому что твою морду не соберёт ни один хирург! Так что делай выводы. – Павел взял дверь и указал расписание. – И да, у меня режим. Запоминаем, что есть время, когда меня можно

беспокоить, а когда нельзя. Ещё раз устроишь мне подобное шоу... Убью к чертям собачьим.

Не дожидаясь ответа, дверь за юнцом захлопнулась, оставив перепуганных родителей в таком шоке, что они не знали, как вообще на это реагировать. Всегда властный и уверенный в себе отец сейчас дрожал от ужаса и боли, пока супруга хлопотала вокруг него. Что-то ему подсказывало, что сын не шутит, а потому срываться на жену не торопился.

– Марина. – шепнув одними губами и придерживая ноющую челюсть, мужчина опасно поднял глаза на жену. – Что с ним стало?

– Я не знаю. – открыто плакала женщина. – Я правда не знаю!

– Хотя бы в какой момент это произошло?

– Сразу после твоего уезда. Я не знаю, что произошло, но он изменился.

И, наверное, впервые Артём задумался, а не крепко ли стукнул сынишку перед уездом? В том, что мозги у его бесхребетного чада однозначно не встали бы на место, он не сомневался, но тот мордобой мог стать точкой отчёта чего-то воистину страшного. И всё-таки... Что произошло, пока его не было дома?

А пока родители пытались понять, что происходит, Павел выжимал из железа всё, что мог. У него не было штанги, но было полно другого мусора, из которого он соорудил нехилые тренажёры, не без удовольствия наблюдая, как злосчаст-

ное отражение приобретает черты, которые он хотел там увидеть.

– Ты ударил отца. – голос парня где-то в голове предательски надломился. – Ты...

– Захлопнись, насекомое. – злобно фыркнул Максимус. – Ты меня бесишь и отвлекаешь.

– Ты чуть не словам ему челюсть!

– Я сломаю ему не только челюсть, если он ещё раз заговрит со мной в таком тоне!

– Послушай, ты начинаешь переходить все границы!

– Это у тебя явно от мамки.

– Что ты имеешь ввиду?!

– Любите оправдывать своих насильников. – не было в этом голосе презрения, а лишь какая-то болезненная обречённость. – Вас бьют, мучают, истязают, издеваются, а вы пытаетесь оправдать этих уродов, найти объяснение и причины в себе, пряча за какими-то идеологиями собственную слабость и ничтожность... А мне плевать на вас и на ваши идеологии, я разорву их вместе с теми, кто осмелится мне перечить!

– Тебе стоит поумерить свой аппетит, через месяц в школу!

– Отлично.

– Ничего отличного в этом нет! Там лютый кошмар и куча придурков!!!

По взмокшему лицу расплзлась хищная и очень голодая

ухмылка, после чего парень отложил импровизированную штангу, принял сидячее положение, и, глядя в собственное отражение в зеркале, давясь слюной выдохнул:

– Очень на то надеюсь.

Его Имя

Первое сентября никогда не вызывало у школьников особой радости, но у молодой блондинки оно и вовсе вызвало тревогу, так как на общем сборе она не встретила уже знакомую прилизанную макушку. Сердце было не на месте, из соцсетей Павлик пропал с концами, на сообщения и звонки не отвечал, и это будоражило дурные мысли.

Может он перевёлся в другую школу? Может перешёл на домашнее обучение? Может вовсе уехал? Она бы не удивилась ни одному из возможных вариантов, она прекрасно понимала отношения одноклассников, да и вообще школы к этому безобидному пухляшу, а потому лишь мысленно пожелала, чтобы, где бы этот человек не оказался, чтобы у него всё было хорошо.

Не только Настя заметила пропажу, одноклассники тоже тоскливо выглядывали предмет «обожания», явно обломавшиеся по полной. Что поделать, сегодня без издёвок, а значит слушаем скучные речи директора о том, как им рады сегодня.

Второе сентября ничем непримечательного учебного заведения ознаменовали первые звонки и уроки. В выпускном классе народ здоровался после каникул, а «гордость класса» то и дело косилась на пустую первую парту, за которой

обычно сидел её друг. Что поделаться, возможно, оно и к лучшему, где бы ни был Козелков, она надеялась, что с ним...

Прямо посреди урока дверь резко распахнулась, от чего молодая учительница вздрогнула, а класс замолчал. В двери, слегка шаткой походкой вошло тело, а народ и вовсе остолбенел, но не столько с вида, сколько с кондиции.

Это был молодой парень семнадцати лет, довольно крепкого телосложения. Из одежды на нём были кроссовки, дражные джинсы, и майка-алкашка, которая, толи была ему мала, толи специально обтягивала торс, открывая взору все прелести верхней части тела. Не многие из девиц дошли дальше открытых плеч, но парни же глядели на лицо. Огромные солнечные очки закрывали глаза, а творческий хаос коротких волос на голове придавал образу малость неряшливый тон.

Медленно и осторожно, опоздавший припустил рукой очки и как-то потерянно оглядел всех присутствующих, накинул портфель на плечо и немного виновато выдал:

– Вроде мои! Если что, разберусь после!

И вообще игнорируя всеобщий культурный шок и непонимание, школьник, на правах хозяина мира, прошёл в кабинет, бросил вещи на первую парту, уселся и посмотрел на училку с выражением «я весь во внимании».

– Молодой человек. – ошалело выдала педагог, глядя на наглеца, что явился в класс посреди урока, так ещё и так нагло. – Это как понимать?

Парень посмотрел куда-то в сторону, словно искал под-

сказки со стороны, и вновь глянул на учительницу.

– Извините за опоздание, Елена Николаевна!

– И это всё?

Парень вновь посмотрел уже в другую сторону и снова на педагога:

– Я больше так не буду... Но это не точно.

По классу разнеслись тихие смешки, пока женщина просто закипала от злости. Что это за выскочка притащил к ней на урок?!

– Молодой человек!

– Да?

– Снимите очки, пожалуйста!

– Нет.

– Почему вы отказываетесь снять очки?!

– Потому что я бухал, как чёрт, две недели. Вчера едва вспомнил, где сортир, к вечеру вспомнил, где душ, а школу нашёл сегодня с утра в яндекс-картах! Товар у меня не видный... Вид нетоварный... – тут парнишка оскалился и как-то пошло выдохнул. – Но с вами, чую, договоримся.

От этих слов местная шпана тихо засмеялась, а педагог заметно смутилась и буквально взорвалась от возмущения. Да что этот хам себе позволяет?!

– Молодой человек, представьтесь пожалуйста. – грозно потребовала учитель.

– Так меня ж тут все знают! – гордо выдал парнишка. – Что, уже подзабыли?

– Фамилия-Имя-Отчество, молодой человек, сейчас же!

Мальчишка улыбнулся шире, и даже с каким-то вызовом выдал.

– Козелков Павел Артёмович.

В классе вмиг наступила такая тишина, что были слышны голоса из соседних кабинетов. Все задиры и ботаники, весь класс в целом просто оцепенел от услышанного, а Павлик лишь самодовольно откинулся на стул и упёрся коленом в столешницу. Реакция людей ему зашла, чего не сказать о педагоге.

Несчастливая математичка вглядывалась в накаченного хама на первой парте и пыталась разглядеть в этом надменном выражении, лицо милого скромного пухленького хорошиста, который не то, что хамить, он даже перечить не умел.

– А что? – ехидно выдал Козелков, не сводя взгляда с училки. – Не похож?

– Паша? – рвано выдохнула Настя, привлекая к себе внимание старого друга.

– Привет, Настюха! – высокомерно поздоровался сосед. – Рад тебя видеть.

– Ты на каких протеинах сидел?! – послышался смех местных задир с задних парт.

– Сестру и мамку спроси! Они тебе расскажут про мой комплекс упражнений и «индивидуальные тренинги», правда мне больше зашли «групповые занятия втроем»! – гордо выпалил Козелков, поворачиваясь к неожиданным тако-

го поворота задирам, после чего выставил два пальца и по телепал языком между ними. – Передай батьке, что если своё жирное брюхо сгонять не будет, его жена и дочка предоставят услуги тренера всей округе! Я проверял! Заслуженные пять звёзд!

– Ты вообще страх потерял?! – задира был в таком шоке, что буквально подорвался на ватные ноги. – Подкачался и сразу борзый такой?! Давай-ка выйдем!

– Что, хочешь с ней посоперничать? – ехидно оскалился бывший неудачник. – Борька, не позорься, твоя Милена «тренировала» весь район, у очко выдержит «лошадиные нагрузки», я не думаю, что ты хотя бы в теории можешь её переплюнуть.

Вот ту класс заржал уже в голос, пока парень с последних парт глядел на Козелкова, как на мясо. Ну, этому ублюдку это так с рук не сойдёт, однако от мордобоя того остановили дружки. Не сейчас. Павел же, с видом победителя вальяжно развалился в кресле и вновь посмотрел на оцепеневшую учительницу.

– Павлик. – рвано выдохнула Елена Николаевна. – Только честно... Что с тобой стало?

– Я увлёкся историей!

– Какой историей?

– Древнего Рима.

– И что ты такого там вычитал?

– Биографию.

– Чью?

Тут парень закинул ноги на стол, хищно облизнулся и с придыханием выдал:

– Во втором веке нашей эры, когда гладиаторские бои достигли пика своей популярности и цен, подобное развлечение стало приносить столько денег, что рабов начали набирать со всех сторон. Их натаскивали только на одно – красиво убивать и подыхать с изыском, а потому натасканные рабы стоили баснословных денег. Дешевле было купить младенца и натаскать самому, но это не всегда выходило толково, хотя порой и среди грязи встречались самородки. Дамы «древней профессии» активно сдавали «издержки работы» тем, кто занимался подготовкой убойного мяса на потеху публики, не за бесплатно разумеется. Одна из таких «образцовых родительниц» пришла в людус знатного патриция и принесла сына. Патриций был хозяином лишь на словах, а делами подобного рода занимался его раб. Раб, чья жизнь измерялась ценой, что набьёт хозяин, он воспитал мальчишку, как своего, обучил боевому ремеслу и дал ему то, чего ему не дала мать – Имя. – школьник мечтательно вздохнул и почти с любовью продолжил. – Это имя буду кричать в Коллизее, давясь от восторга и жажды крови. Это имя будут кричать жёны Патрициев, предаваясь любовным утехам, втайне от мужей. Это имя плотно засядет в умы всех гладиаторов того времени, умоляя Фортуна сжалится и не встретить его в битве за жизнь на потеху толпы. «Идущие на смерть» будут

молить богов о том, чтобы они даровали им ещё один день, и о том, чтобы не услышать это Имя.

– Что за имя? – нервно выдавала педагог.

Павел лишь как-то хищно и даже плотоядно оскалился, покуда глаза закрывали тёмные очки, но казалось блеск серых глаз был виден даже сквозь них.

– Имя того, кого воспитал Раб... Отец... Нумерий.

– Что за имя, Павлик?

Парень снял очки и посмотрел на учительницу горящими от нечеловеческого восхищения и гордости глазами:

– Максимус.

Даже не столько слова, сколько вид ученика напугал класс до чёртиков, а Павел только вошёл в раж. Довольный произведённый эффектом, восходящая звезда класса смерил потолок полным восхищения взглядом и продолжил:

– Колизей ревел, когда Максимус выходил на арену, а Боги смеялись, тешась кровавой бойней. Он убивал так, как никто во всей Римской Империи, орошая кровью землю и первые ряды. Зрители ликовали, Патриции были готовы отдать всё на свете за ночь с ним, а Рим не знал воина, что поспорничал с ним в силе и умениях. – тут говорящий как-то погрустнел, болезненно прикрыл глаза и снова надел очки. – Он умер так же, как и жил – на потеху толпы, под взглядами тысяч зрителей. Там была орава львов и тигров, один зашёл со спины... М-да, даже как-то... Непрофессионально.

В классе вновь повисла тишина, а Козелков даже немно-

го смутился. Складывалось такое чувство, что он испытывал какой-то стыд, но лишь на миг, после чего вновь с улыбкой посмотрел на учительницу:

– А вы как лето провели?

– Павел. – нервно выдала педагог. – Остайся, пожалуйста, на перемене. Я хочу с тобой поговорить.

– Для вас, Елена Николаевна... – кокетливо выдохнуло ученик и посмотрел на учительницу поверх очков. – Я готов остаться, хоть после закрытия.

Сказать, что класс был в шоке – это промолчать. Козелковым Павлом этот чудик был только по паспорту, и, надо признать, были те, кому это нравилось. Местные девчонки кидали какие-то неоднозначные взгляды на так внезапно преобразившегося ботаника, но если общая масса преобладала в восхищении, то Настенька ощущала реальный страх. Кем бы ни был парень... Он точно не Павлик.

Надо признать, звонок прозвенел неожиданно, от чего учительница маленько вздрогнула, а класс начал спешно собираться на выход. Павел же оставался на своём месте, пока Настя медленно складывала вещи в сумку. Её пугал этот парень, но она хотела поговорить с ним, хотя бы чтоб от души отлегло. Ладно, Елена Николаевна застолбила очередь, а потому она выкроит время чуть позже.

Сказать, что учительница математики была встревожена – это не сказать ничего, а потому, убедившись, что в классе больше никого нет, женщина велела парню следовать за

собой в подсобку. Пашенька такую идею расценил с энтузиазмом, а потому охотно направился следом. Аккуратненько прикрыв дверцу и сняв с себя очки, новообретённый бунтарь подошёл вплотную и посмотрел в недовольные глаза.

– Павел. – грозно выдала учительница. – Я не знаю, про каких ты там гладиаторов читал, но твоё... Павлик, ты меня слушаешь?

– Да. – с придыханием выдохнул школьник, незаметно сокращая дистанцию и как-то неоднозначно глядя на молодого педагога. – Я слушаю.

Елена Николаевна лишь начала незаметно отступать, пока не упёрлась в стол. Она заметно нервничала, но пыталась повлиять на парня хотя бы с высоты своего положения.

– Значит так, Павел, твоё поведение – это просто выше всяких пониманий! Ты врываешься посреди урока, устраиваешь непонятные потасовки, а ещё... – сообразив, что парень ей дышит буквально в лицо, а за спиной – стена, женщина уперла руку в широкую грудь и грозно глянула в уже слегка помутневшие серые глаза. – Павел, отойди пожалуйста.

– Зачем? – голос прозвучал даже с какой-то издёвкой.

– Козелков, это не смешно!

– А я не смеюсь.

– Павел, если ты сейчас же...

Но не успела педагог договорить, как парень буквально впился в губы педагога. Математичка на секунду выпала из

реальности. Вот чего она не ожидала, так это подобного со стороны скромного мальчишки, а Козелков и не думал унижаться. Углубив поцелуй, до крови закусывая пухлые губки, парню явно нравился этот «разговор с учителем», однако всё имеет свойство кончаться... Ну или нет?

Отстранившись от оцепеневшего педагога, ученик не без удовольствия глядел в это побледневшее и напуганное лицо, после чего вновь прильнул к губам. Это действие слегка отрезвило учителя, из-за чего она попыталась отстраниться, и, на удивление, парень не препятствовал.

– Павлик. – рвано выдохнула женщина. – Н... Не... Не делай так.

– Почему? – издевательски выдал парнишка. – Почему нет?

Сказать по правде, Елена Николаевна даже не поняла, что это такое. Его голос завораживал, от него исходило какое-то... Животное влечение, которое напрочь отбивало голову, чем паренёк не повременил воспользоваться.

Дальнейшие события напрочь не вписываются в нормы педагогической этики, но вышел Пашенька из подсобки, когда в помещение уже подтягивался народ. Налегке, словно ничего и не было, он подхватил сумку и вышел из класса. Настроение было просто идеальным... Если бы не этот паникёр.

– Ты нормальный вообще?! – почти плакал голос в голове. – Ты вообще понимаешь, что ты творишь?!

– Я «прилюбил» училку в подсобке!!! – Максимус буквально пропел всё в той же голове. – Я «отлюбил», а ты – Неудачник, тебе на дают. Учись!!!

– Ты – Псих!!! – в голосе Павла уже слышались слёзы. – Ты вообще подумал, как мы теперь будем на математику ходить?!

– С презервативом! Я, конечно, могу и без него, но мало ли что.

– Матерь Божья!!! Какого Елене Николаевне теперь будет?!

– Ну было – зашибись, а что там будет – это уже не мои проблемы.

– Ты думаешь хоть о ком-то, кроме себя?!

– А ты думаешь, что хоть кто-то из этих собак о тебе сильно парился? – гаденький голос рубил с плеча. – Не льсти себе, щенок, эти мрази окунули тебя башкой в сортир и готовы повторить! Мы живём в мире, где правят сильнейшие, так что ты либо хищник, либо дичь! Убивай, или будешь убит!

– Ладно, послушай меня. Я понимаю, ты родился и вырос в Древнем Риме, тебя воспитывали, как гладиатора, который убивал на потеху, но, чёрт подери, времена изменились!!!

– Panem et circenses.

– Что это значит?

– Хлеба и зрелищ, Павел, хлеба и зрелищ! – в голос пропел гладиатор, идя по коридору, как король. – Весь наш мир – это амфитеатр, в котором тебя жаждут продать, прогнать,

убить и сожрать! Так было, есть и будет, и за последние несколько тысяч лет не изменилось ничего! Публика хочет крови, она жаждет её, и она вытянет из тебя все соки и жилы. Так дай ей то, что она хочет, Павел! Дай ей хлеба и зрелищ!!!

Молодой школьник шёл по коридорам, едва ли не пританцовывая. Наличие звонка и уроков его не сильно волновало, это не построение в Людусе и уж тем более не гладиаторский бой, а значит, когда придёт – тогда придёт. А вообще, в школе дико скучно, надо придумать, чем себе занять.

На очередное занятие Павел ввалился, словно оказал честь жалким смертным, тем, что пришёл. Что творилось с одноклассником и с какими чертами он связался этим летом, затаившей дыхание публике оставалось только гадать. Козелков вёл себя дерзко и нагло, ставя на место всех хулиганов, от чего к концу первого учебного дня его уже ненавидело половина класса. Класс вообще поделился на три категории: те, кто скалился, те, кто боялся, и те, кто отчаянно подтекал на стуле, глядя на «плохого мальчика». И всё-таки, как же он был хорош!

После уроков звезда класса направлялся уже в сторону своего дома. Жёстких планов на сегодня не было, но зато был режим, который он блюл свято ещё со времён Римской Империи. Сегодня он планировал приступить к тренировкам как можно раньше, дабы освободить себе вечер, однако Фортуна решила иначе.

– Эй ты, борзый! – злобный голос задиры в классе

раздался со спины, от чего школьник лишь лениво обернулся и приспустил солнечные очки. – Давай ка потолкуем!

Серые глаза без инициативно оглядели шайку Бориса, от чего на лице мелькнуло некое подобие усмешки. Их было пятеро, озлобленных и ущемлённых одноклассников, главарь которых хотел свернуть шею выскочке, что посмел так опозорить его сестру на весь класс. Можно подумать, что честь этой «дамы» ещё может что-то спасти.

– А ты я погляжу подкачался. – злобно прошипел ответственный брат, не сводя взгляда. – Мозги у тебя явно в торс перетекли.

– Ниже. – съязвил Павлик, убирая очки в сумку. – У сеструхи спроси, она тебе расскажет мой «уровень эрудиции».

– Ты вообще страх потерял?!

– У меня его никогда не было, Боря.

– И кто мне об этом говорит?! Сопляк, которого по весне окунули башкой в унитаз?!

– Ты бить будешь, псина ущемлённая, или я могу идти?

Даже не столько слова, сколько эта пренебрежительная интонация просто сорвала последний предохранитель в голове Бориса и тот, не раздумывая, кинулся на парня. Козелков же даже не дрогнул, уверенно глядя в бешенное лицо противника, после чего серые глаза блеснули и...

Компания даже не поняла, что это было, но Борька вдруг замер прямо перед Павлом, резко обмяк и упал на землю. Его трясло, он не мог вдохнуть, а подкачавшийся ботаник

лишь как-то механически потёр костяшку и усмехнулся, глядя на задыхающегося одноклассника.

– До чего же ты жалок, Боря. – Павлик высокомерно наступил на голову главаря и смерил напуганную шайку ничтожным взглядом. – Мозгов у вашего предводителя столько же, сколько и сил, а потому, если вам нечем меня порадовать – сгнули отсюда и забрали это недоразумение.

Не дожидаясь, пока ребята выйдут из шока, новая звезда школы просто прошёл прямо по голове задиры, обошёл оцепеневшую толпу и направился в сторону дома. Толпа стояла, ни жива, ни мертва, нервно глядя на задыхающегося главаря, поспешно кидаясь к другу и нервно озираясь в спину ушедшего. Да кто этот парень?!

Настроение было всё лучше и лучше, но для идеального завершения учебного дня не хватало самой малости. Нужна была такая маленькая, крохотная, как бы это выразиться... Вишенка на торте!

– Павлик. – голос Насти дошёл до парня с каким-то запозданием, от чего тот лишь довольно оскалился и повернулся к давней подруге.

Как всегда, скромная отличница, в закрытой одежде, она с ужасом глядела на когда-то милого пухляша, прижимая к себе сумку. Она боялась сократить дистанцию, а потому, когда парень сделал шаг вперёд, блондинка лишь нервно отступила. Такой жест вынудил мальчишку лишь скорчить грустную рожицу, опрокинуть голову и выжидающе посмотреть.

– Что с тобой стало? – одними губами шепнула девица.

– Я изменился. – самодовольная улыбка вновь озарила подтянутое личико. – Что скажешь?

– Скажу, Паша... Что я тебя не узнаю.

– И это офигенно.

– Нет, это – страшно, и я боюсь тебя.

– Да, кусок сала мало у кого вызывает подобные эмоции.

– Паша, дело не в этом!

– А в чём? – вот тут в голосе послышался неприкрытый наезд. – В чём дело, Настенька? Ещё скажи, что это ничтожество вызывало в тебе хоть что-то, кроме жалости.

– Почему ты так говоришь?!

– А почему ты не отвечаешь?! – сказать по правде, даже от наигранной вежливости не осталось и следа, и сейчас школьник пёр на девицу, грозя дать крепкую затрещину, если не ей, то первому встречному. – Давай, Настюша, скажи мне, какие эмоции у тебя вызывал жирный боров, не способной постоять даже за себя?! Я хочу знать, какие у тебя были планы на совместное будущее с тем, что было! Ну давай, самые смелые предположения! Поход в зоопарк?! «Крестики-Нолики» на перемене?! Может бутылка вина на совместном девичнике?!

– Прекрати! – на карих глазах уже навернулись слёзы, а в глазах была паника. – Паша, ты ничего и никому этим не докажешь!

– Да я и не собираюсь, детка! – брезгливо сплюнул быв-

ший друг. – Я был никем, мальчиком для битья, над которым изгалялась вся школа, а сейчас...

– А сейчас не лучше! Я не знаю, что с тобой стало за это лето, но ты изменился до неузнаваемости, и это не так хорошо, как тебе кажется! Ты не стал лучше, ты стал другим! Жестоким и холодным, в тебе не осталось ничего, что...

Одноклассница резко осеклась, а парень лишь самодовольно оскалился, глядя в растерянную мордашку. Медленно, с грацией хищника, школьник двинулся в сторону бывшей подруги, глядя на неё с высокой колокольни.

– Ничего, что... Что? – этот голос был насквозь пропитан издевательством. – Ну давай, скажи это. Я хочу это услышать.

– Павлик.

– Что «тебя привлекало», я прав? – он посмотрел на блондинку, как на грязь, после чего буквально выплюнул. – Тебя привлекала букашка, которую надо было пожалеть, но на этом твой «интерес» к букашке заканчивался. Все вы такие добрые и хорошие мамочки, пытаетесь воспитать и поставить на ноги, утирая сопли и прочие продукты жизнедеятельности, вот только по жизни вам такая обуза нафиг не сдалась. Она бесполезная и крайне энергозатратная, а потому вы предпочитаете их «любить» по графику и в строго отведённых для этого местах. Ну давай, скажи мне о том, как ты вздыхала по бесхребетному куску сала, а я послушаю. Расскажи мне, какие у него были шансы?

– Такие же, как и у тебя. – даже с какой-то непривычной злостью выдала отличница, отступая назад. – А быть может и даже больше.

– Вот видишь, Настенька. Я ничего не потерял. – неожиданно очень воодушевлённо выдал друг, улыбнувшись до самых ушей. – Я тогда был абсолютно безнадёжен, а теперь, малыш, все дороги лично мне открыты. Что-то не нравится – дверь вон там, а я найду, что мне делать со всем этим. Теперь я – Творец своей судьбы.

– Ты отбившейся от рук и понятий эгоист. – школьница развернулась в сторону дома. – Ты превратился в чудовище. Нам больше не о чем говорить.

– Ну так и чего ты мне тут воздух сотрясаешь, если говорить не охота?! – гаденько бросил парень, не без удовольствия вглядываясь, как девчонку передёрнуло. – Тоже мне, образец совершенства! Давай, только подбитых пташек оплакивать и можешь! Иди в параллельный класс, там целых два жирных ботана, которым смерть как надо, чтобы красивая девочка их приголубила! Вот только на твоих сопливых подержках всё это и закончить!

Она ничего не ответила, а лишь едва сдерживая слёзы обиды проследовала дальше в сторону дома. Школьник даже не думал извиняться или мучаться совестью, он вообще не привык сильно париться за своё поведение, и всё же, всхлип где-то в голове услышал.

– Не реви.

– Зачем ты это сделал? – тихий плачь раздался откуда-то с затворок сознания. – Да она – единственная, кто был со мной всё это время!

– Будут другие.

– Зачем ты с ней так?!

– Закрой пасть!!! – прорычал Максимус, буквально вбивая Павла куда-то в угол черепушки. – Меня тошнит от вас обоих! Слабые ничтожные букашки, имеющие свободу и право делать всё, что им вздумается, и вы выбираетесь всю жизнь стоять на коленях!!! Вы превращаете свои тела и свою жизнь в мерзкое сосредоточение страданий и убожества, имея возможность вершить историю и строить Империю!!! Я ненавижу вас!!!

– А почему тебя с этого так кроет? – внезапно совершенно спокойно поинтересовался бывший владелец тела.

– Потому что я ненавижу слабых, не способных за себя постоять!!!

– Нет. – ещё никогда прежде голос жирного ботаника не звучал так твёрдо и уверенно, хоть и с лёгкой опаской. – Тебя кроет не со слабаков. Ты озлоблен на что-то другое.

– Меня бесит, когда люди, имеющие возможность, просто сидят и страдают! Недостойные жить и неспособные ни на что! Вы только ноете и ноете! Я всю жизнь боролся за кусок хлеба, за место под солнцем, за свою жизнь на арене и в Людусе, я был...

– Рабом. – тихо шепнул Павел.

Надо признать, от этого слова даже лицо подростка слегка передёрнуло:

– Что?

– Ты был рабом. – уже более уверенно выдал голос забитого школьника в голове. – Поэтому тебя так с этого кроет. У тебя не было ничего, кроме Имени... Имени, которое тебя дал Нумерий, и которое кричала толпа, когда ты выходил на Арену! Это Имя у тебя не могли отнять, потому что под ним тебя знала вся Римская Империя! Единственное, что у тебя было!!!

Это было даже не больно, это больше походило на то, что тебя засунули в мячик, крепко зафиксировали, после чего начали швырять о стены, рьяно вбивая во всё, что стояло на пути. Максимус рвал и метал, казалось, гладиатор сейчас проломит собственную черепушку изнутри и вышвырнет этого проклятого мальчишку, но это, увы, не в его власти.

Закончив позорную экзекуцию в собственных мозгах, парень широко улыбнулся, надел солнечные очки и направился домой. Станет какой-то ботаник ему тут указывать! Да он был чемпионом Древнего Рима, одним из величайших гладиаторов своего времени, убившим сотни храбрых воинов и заслуживший восхищение всех патрициев, от мала до велика!

Домой он пришёл где-то в середине дня и захотел освежиться. Довольный и своим эффектным появлением, и общим положением дел, паренёк смыл с себя всё лишнее на-

пращение, уже мысленно готовясь ударно подкачаться. Вытерев голову, школьник упёрся руками в зеркало, посмотрел в собственное отражение, и почему-то в этот момент в душе стало маленько беспокойно.

Это был он, накаченный молодой парень, волосы слегка слиплись от влаги, и всё было, как прежде, однако кое-что отличалось. Лицо напротив выражало какое-то брезгливое смирение, словно псина, посаженная на цепь, но даже если его спустят, ему просто не хотелось брать эту дрянь в рот. Сам же виновник на это лишь усмехнулся отражению, которое даже не дрогнуло. О! А это уже интересно!

– Надо же! – восхитился Максимус. – А ты что, перечить умеешь? Ну-ну!

С этими словами Козелков взял двумя пальцами уголки губ на своём лице и потянул слегка вверх. Недовольное отражение сделало тоже самое, хотя взгляд серых глаз не изменился. Убрав пальцы, отражение вернулось к исходному выражению, уверенно глядя вперёд. Эта игра в гляделки затянулась на секунд двадцать, но, когда парень уже собрался уходить, пай-мальчик в зеркале вдруг как-то неоднозначно усмехнулся. Этот взгляд застал Максимуса врасплох, от чего тот слегка прильнул к зеркалу, как вдруг губы шепнули из зазеркалья, заставляя повторить в такт:

– Я – Неудачник... А ты – Вещь.

Максимуса не просто перекосило от злобы, он хотел достать эту тварь прямо из зеркала и набить ему физиономию,

но стоило ему поднять руку, как вдруг конечность словно оцепенела. Не в силах шелохнуть рукой, бравый воин не понял, что происходит, как вдруг увидел какой-то гадский взгляд напротив. Павел из зеркала смотрел уверенно и твёрдо, медленно сжимая руку в кулак, не отрывая серых глаз с напуганных очей.

Внезапно губы отражения растянулись в гадском и самодовольном оскале, лицо по эту сторону зеркала тоже перекошило, а на всю ванную раздался довольный выкрик:

– Я – Неудачник, а ты – Вещь! За всю свою хвалёную историю, ты получил только Имя, которое у тебя не смогли отнять лишь потому, что тебя все под ним знали! Ты не имеешь прав даже на собственное имя!!! Ну и кто теперь ничтожество?!

Не дожидаясь ответа, парнишка в зеркале вцепился в стену и начал рьяно биться башкой в стекло, а его тело тут же повторило. Это было столь неожиданно и непонятно, что Максимус не успел отреагировать и разбил его с третьего удара. Осколки поранили лоб, капли крови заляпали белую раковину, а сам подросток подорвался и в бешенстве вгляделся в тысячи осколков.

Уже второе битое зеркало за три месяца, но волновало Максимуса вовсе не благополучие полоумной мамочки. Как этот щенок смог перехватить над ним контроль? Неужто этот жалкий слизень понял, как это работает? А даже если и понял... Он не так безнадёжен, как думал гладиатор.

Воин

За столом на уютной кухне сидели трое: любящая мать, заботливый отец и идеальный сын. Ужин был изумительный, все улыбались, никто не ссорился, и только пульс под двести выдавал общее состояние родителей. Если раньше источником страха и угрозы был отец, то сейчас любимое чадо украдкой выглядывало, а достаточно ли любящими выглядят его предки.

– Павлик. – было так непривычно видеть отца, что с улыбкой и осторожностью смотрел на сына. – Я хотел тебя спросить, какие у тебя планы на осенние каникулы?

– Никаких. – безразлично выдал сын, активно уплетая варёные яйца с овощами. – Пара встреч и тусовок, тренировки и в целом, ничего критичного.

– Ты знаешь. – Артём вдруг опасно отвёл взгляд, и продолжил, явно прощупывая почву. – Сынок, я скажу, как есть, ты сильно изменился. Это неплохо...

– Это отпад. Жизнь во всей семье наладилась, не находишь?

– Нахожу. Ты знаешь, есть одно место, куда бы я хотел тебя свозить. Ты только не принимай это чрез чур предвзято, расценивай как «культурное мероприятие».

– Что за место?

– Это на окраине, в пригороде. Дивное место, окружённое лесами, там есть одна деревушка. Я бы хотел тебя показать одному человеку.

– Экзорцисту?

Артур с пару секунд помолчал, нервно хихикнул и виновато глянул, сначала на жену, а после на сына:

– Ну... Не прям экзорцисту... Сначала посмотрят... Насколько всё плохо.

– А то я всё думаю, что маман мне святую воду в кофе подливает. – издевательски хихикнул парень и вальяжно развалился на стуле, смерив семью несколько ничтожным взглядом. – Надеешься, что бабульки с окраины сделают из меня прежнего жирного хлюпика? Знаешь, что? А давай! Мне даже интересно, что они скажут!

Повисла тишина, нервные улыбки на лицах родителей начали медленно таять, пока Марина в конец не потеряла над собой контроль, не подорвалась на стуле и не закричала:

– Паша, с тобой что-то случилось!!! Это произошло в один миг!!! Такого просто не может быть, а потому, прошу тебя, я ужасно волнуюсь!!!

– В этом и есть весь парадокс нашей семьи. – обречённо выдохнул сын, доедая последний кусок котлетки и убирая тарелку со стола. – Пока ты жирный боров, смиренно терпящий избиения и издевательства – твоё состояние ни у кого не вызывает вопросов. Но стоит тебе подкачаться, начать отвечать и защищаться, пресекая любую попытку к насилию –

тебя сразу хотят отправить к экзорцисту и запереть в дурку. Иронично, не находите?

– Павлик, послушай! – опасливо выдал отец. – Мы не хотим запереть тебя в дурку, но с тобой что-то случилось, и мы не можем понять, почему!

– Крепко стукнул.

– Что?

– Я говорю: «крепко стукнул». – повторил школьник и посмотрел на отца, как на мясо. – Вот распускал бы руки поменьше перед уходом, этого бы не случилось. Ну и чего притих?

А что он мог ответить? Последние несколько месяцев он только и делал, что обдумывал своё прежнее поведение. Да, где-то он слишком привык, что ему никто ничего не мог ответить, а потому, столкнувшись с прямой угрозой в лоб, а точнее, в челюсть, глава семейства лишь судорожно пытался не думать, что было бы, не дай он сыну в морду перед уходом?

А вообще, если очень хорошо задуматься, то жить в доме стало заметно комфортнее. Павел рук не распускал, как могло показаться, лишь чётко отделил свои границы от границ родителей и это дало свои плоды. Осенние каникулы медленно вступали в свои права, через пару дней он выйдет на официальную неделю выходных, и после этого точно понадобится экзорцист.

Максимус и в первой жизни был достоянием обществен-

ности, а в этой явно решил оторваться по полной! Не один девичник не проходил без его присутствия, ни одна тусовка или собрание не происходило без упоминания этого имени, но, даже будучи «нарасхват», особых связей он не поддерживал ни с кем, находя утешение в одиночных вечерних прогулках после изнурительной тренировки. В такие моменты больше всего на свете он хотел остаться один, что было почти нереально, но иногда выходило.

Завидная тишина в голове держалась уже около часа, ноги сами унесли к местному озеру, когда Максимус не выдержал и таки подал голос в черепушку:

– Ты сегодня само молчание. Ну, малой, чего тихий такой? Да ладно тебе! Ты что, обиделся?

Павел молчал, не поддаваясь на провокацию, а Максимус остановился и широко оскалился. Народу вокруг не было, середина осени радовала холодным ветром, от чего гладиатор глубоко втянул носом воздух и мечтательно посмотрел на уже темнеющее небо. Какое-то странное чувство лёгкости и обновления ощущал школьник, когда взглянул на водную рябь, вслушиваясь в тишину.

– Знаешь, а ведь львов ценили больше, чем людей. – тихо шепнул подросток куда-то в пустоту. – Их ценили потому, что достать львов было не так легко, как рабов. Их убивали сотнями, отправляя на смертельный бой из которых выжить мог только один. Нередко их отправляли на неравный бой, в котором выжить вообще никто не должен был. Преступ-

ников кидали львам на растерзание, гладиаторов оставляли умирать на арене, а сколько истекло кровью после бойни. В этом и есть парадокс нашего мира. Мы ценим вещи и разбрасываемся людьми... Потому что Люди – бесплатные. – серые глаза оглядели пустынный берег озера и с тоской закрылись. – Хочешь я скажу тебе правду? Я жил в Древнем Риме, но изменилось только одно – рабство отменили, и то, лишь в том контексте, который был тогда. Публика всё так же жаждет крови, она ищет любого, кого можно поставить на колени.

– Зачем ты мне это говоришь? – тихий голос с затворки сознания таки отозвался на позыв.

– Встань с колен, гладиатор.

– Я не гладиатор.

– Я не спрашивал, кто ты, я сказал: «подымайся»!

– Или что ты сделаешь?

Даже не столько сами слова, сколько эта пренебрежительная интонация заставили губы молодого парня у озера растянуться в зловещем оскале. Дерзит, а это уже лучше, чем то, что было, но спуску он давать даже не думал. В этот момент Павлу показалось, что его запихали в мячик для хомяков и отфутболили с целью взболтать до однородной массы. Это было не столько больно, сколько до скрежета зубов неприятно, но Максимус лишь ещё больше вошёл во вкус. Псы должны знать своё место, во всяком случае, пока не научатся...

Не сказать, что его ударило, а скорее это было похоже на

толчок или отдачу, словно ты бьёшь по чему-то тяжёлому или крепкому. От этой отдачи Максимус аж вздрогнул, как вдруг почувствовал, что всё тело сковало и он не может пошевелиться. Всего на миг, где-то на затворках сознания, два серых огня уставились в темноту, как вдруг обомлели. Во мраке на него глядели два тусклых огонька, но, тем не менее, делали это уверенно.

Тело подростка стояло неподвижно и лишь самым краешком губ он смог слегка усмехнуться. А вот это уже было интересно, и даже как-то воодушевляюще. Кто знает, может этот юнец его ещё повеселит?

– Поднимись с колен. – тихо, но нетерпящим неповиновения тоном приказал гладиатор.

Два тусклых огонька глядели снизу вверх в яркие серые факелы напротив, не мигая и не отводя взгляда. Он сидел неподвижно, не подымаясь, но и взгляд не прятал.

– Я сказал: «встань!». – в голосе бывалого гладиатора слышалось животное рычание.

Козелков молчал ещё с пару секунд, после чего серые огоньки в темноте медленно поднялись и остановились на уровне двух сияющих огней во тьме. Он не видел лица, но и так почувствовал, как эта тварь улыбнулась.

– Даже безродные псины смотрят в глаза своих господ и врагов, стоя на ногах. – брезгливо прорычало нечто. – Хочешь всю свою жизнь прожить безмолвной шавкой, о которую все вытирают ноги и помыкают, кому не лень... Делай

это как мужчина.

– А тебе-то что? – неожиданно для самого себя, грубо выдал Козелков.

– Меня тошнит от тебя. От твоей ничтожности, твой слабости, ты ещё более жалок, чем блудницы, которыми торговали на рынках Рима! Знаешь, в чём отличие их от тебя?! Даже они знали себе цену!!! – серые огни подлетели в упор, после чего горячее дыхание обдало всё лицо. – Любой раб знал, за сколько его можно купить у своего хозяина... А ты продаёшься бесплатно, задарма тешишь тех, у кого нет ничего, потому что... Ты не ценишь себя.

Не столько эти слова, сколько какая-то горечь в интонации, заставили тусклые огоньки едва заметно мигнуть. Это была не жалость, и уж тем более, не сострадание, а какое-то брезгливое отрицание, нежелание признавать мерзкую суть бытия. Нет, он не собирается с этим мириться.

– Хочешь быть доступным товаром по скидке – веди себя достойно, как мужчина. Не смей стоять на коленях... Даже передо мной.

Запертые в одной черепушке и в одном теле, они не могли разойтись по углам, а потому им приходилось мириться с тем, что стояло напротив. Павел мирился с деспотом, который так нагло ворвался в его мир, а вот Максимус мириться не собирался. Всю прошлую жизнь он боролся за своё существование и не признавал слабости, а потому, если он не сможет убить это ничтожество, он сделает из него то, что не

будет вызывать в нём отвращение... Хотя бы не так сильно.

До осенних каникул оставалось всего ничего, и на это время планы у всех намечались просто грандиозные. Последние дни были особенно напряжённые среди тех, кому очень не нравился внезапно возвысившийся над всеми ботаник. Привычные насмешки и травля просто летели мимо, казалось, он их даже не слышал, а вот вступать в драку с ним боялись, по крайней мере, в одиночку.

– Где он этого нахватался? – рвано выдохнул Борис, утирая свежа-разбитую скулу. – Где он, вообще, это лето провёл?! Это же берсерк из ада!

– Может связался с какой компанией? – боязливо выдохнул лучший друг. – Там не знаю, крышует его кто-то?

– Да кому он сдался?! Этот псих ещё в мае был жирным слюняем, не способным даже слово поперёк сказать! Сравни это и то, что было! Это же вообще разные люди! Нет, этого мудака надо проучить.

– Может не стоит? – боязливо отозвался кореш. – Он уже тут всем кости пересчитал.

– Ещё как стоит.

Уж очень сильно не хотелось Борьке признавать своё поражение, тем более перед додиком, которого он же полгода назад окунул башкой в сортир. Ну бьёт это по самолюбию, да и не знал он, с каким чёртом из преисподней связался.

Конец учебного дня завершился ещё рядом назначенных свиданий и девичников, под самодовольный оскал самого

крутого парня в школе. Горбатого могила исправит – это не про Максимуса.

– Ты последнее время притих. – издевательски шепнул гладиатор, прислушиваясь к голосу в голове, который молчал уже несколько дней, что вызывало какую-то неоднозначную ухмылку на и без того довольном лице. – Хороший знак. Волки не твякают... На война походить начинаешь.

Павел молчал, осторожно выглядывая двумя тусклыми огоньками из глубины сознания, явно что-то обдумывая в своём. Как цепной пёс, загнанный в будку, бывалый неудачник глядел на того, кем всю свою жизнь мечтал стать, но восторга он не испытывал. Он и сам не знал, как это чувство называется, однако ему ещё только предстояло узнать, как побороть эту тварь, ведь в том, что именно ему придётся это сделать, он не сомневался.

На улицу звезда школы вышел, как победитель, под томные взгляды собравшихся учениц и восхищённые – учеников. Если и была отрада в жизни Максимуса, это всецело «Признание Толпы». Такому энергетическому вампиризму могли позавидовать все местные абыюзеры и павлины вместе взятые, а потому чёрной зависти в этой толпе было не меньше, чем всего остального.

Это не было каким-то звуком или сигналом, просто он всю свою жизнь боролся за собственное существование, а потому угрозу со стороны пятёрки ребят, что уверенно шла с разных сторон, почуял ещё на выходе. Они шли, как бы невзначай,

но он считал их ещё до того, как она появились, и реакция не заставила себя ждать.

Он смеялся им в лицо, заглядывая в глаза каждому из этих ребят, от чего те, явно не ожидающие, что их так легко заметили, растерялись всего на миг, и этого хватило, чтобы Максимус почувствовал страх. Он – Хищник, а Жертва уже себя обозначила, так что можно начинать пирушку прямо тут. Народ у школы заметно напрягся, предвкушая нечто неоднозначное, а школьник лишь оскалился шире, подмигнув свирепеющему на глазах Борьке, и двумя ладошками поманил к себе с выражением: «ну давай, мальчик, допустим, я испугался твоей биты... Допустим, она тебя спасёт».

– Отойдём в сторонку, Козелков? – максимально уверенно выдал парень.

– А что, страшно, что с битой и дружками не справишься? Нет уж, пушай все видят, каков ты и твои шакалы! – уверенность Павла передалась толпе, которая уже с интересом наблюдала, дабы узнать развязку. А вот пятёрка ребят заметно напряглась, ведь, судя по всему, публика была не на их стороне, даже при численном превосходстве. – Хочешь меня наказать, Боря? Тебе мало было помятых рёбер и битой рожи, ну ничего, я тебе ещё чего-нибудь сломаю, а потом к твоей сестрёнке поеду.

– Ты оборзел?!

– Ты бить будешь, или твоя бита и гончие твяки так, для украшения? – серые глаза почернели, а оскал растянулся от

уха до уха, и, видят боги, Борис заметил, как этот псих сглотнул слюну. Павел смотрел на своего оппонента, как на мясо, и сегодня он точно ему что-нибудь «откусит». – Я жду, Боря... Докажи мне, что ты чего-то стоишь.

Местный задира смотрел в эти глаза, и, чёрт подери, ему стало страшно. Это не Павел. Это кто угодно, но не Павел. Этот взгляд, он не может принадлежать, ни то, что Павлу, а даже обычному человеку. Это взгляд зверя, томленного в клетке и изголодавшегося по охоте. Он вцепится ему в глотку не для защиты или забавы ради, а лишь потому... Что это его натура.

Из мыслей Бориса вывел точечный и очень болезненный удар в живот, от чего парень поперхнулся и отлетел назад, однако упасть не успело, так как был схвачен за глотку и поднят над землёй. Он опешил не от нехватки кислорода, а от скорости, с которой Павлик снёс его, и лёгкости, с которой одноклассник его держал.

– Ты жалок, Боря. – даваясь слюной выдохнул Козелков. – Ты настолько жалок, что даже имея толпу и оружие, не способен спасти хотя бы свою шкуру.

Надо сказать, эти слова отрезвили парня, да и не только его, от чего дружки, наконец, опомнились и кинулись на помощь. Сказать по правде, Максимус мог их раскидать на раз, но не мог так просто пойти наперекор своим принципам и устоям. На него смотрит публика, и он даст ей то, чего она так жаждет.

Легко, словно за спиной была пара невидимых крыльев, Павел отскочил от одноклассника на несколько метров, едва касаясь земли. На него нападали с пяти сторон, но складывалось ощущение, что он знает каждое их движение и удар. Он двигался так плавно, без рывков, словно удав, обтекая каждый удар и отражая без малейших усилий. Враги изрядно нервничали и бесились, но гладиатор смотрел не на них. Он видел только толпу, что заводилась с каждой секундой всё больше и больше.

Из стен школы выходили ученики и бежали поглазеть, что это за сборище, и одной из таких зевак стала Настенька. Чутьё блондинки сразу смекнуло, что дело пахнет жареным, но даже она не представляла насколько. Не без труда протиснувшись сквозь толпу, девушка не то, что удивилась, она была в шоке. Нет, она знала, что Паша подкачался, но что может раскидать пятерых, для неё стало новостью. В отличии от всех остальных, ей не было интересно досмотреть бойню до конца, особенно при наличии биты у Бориса, а потому она впопыхах выудила мобильник и срочно позвонила заучу. Нехорошо быть доносчицей, но дело и впрямь дрянь.

Panem et circenses: Хлеба и зрелищ. Так было в древнем Риме, так есть до сих пор. Борька привык к быстрым и неравным победам, а потому затянувшаяся драка, так ещё и с явным отсутствием поддержки со стороны уже порядком выбившихся из сил друзей, сильно начал давить на мозги. Одноклассник же разошёлся лишь ещё сильнее, подначивае-

мый толпой, казалось он с каждой секундой становится всё сильнее и злее, и в один момент случилось то, что должно было случиться... Он потерял над собой контроль.

Схватив одного из ребят за руку, Павел просто выкрутил плечевой сустав на сто восемьдесят градусов. В глазах потемнело, глотку спёрло от боли, но закричать он не успел, так как Козелков со всего размаху швырнул парня куда-то в сторону остолбеневшего с такого расклада хулигана. Дело дошло уже не просто до грубой силы, а до реальных побоев с претензией на скорую, но Павлу было всё равно.

Перехватив запястье перепуганного подмастерья, Козелков грозился превратить всё его содержимое в фарш, остановился он лишь в тот момент, когда оппонент осел на колени и начал плевать кровью. Уже этого было достаточно, чтобы визжать и требовать полицию, но толпа редела в восторге и требовала ещё. Больше, ещё больше, всё, что есть... Она хотела крови.

Не видя перед собой больше ничего и раскидав незадачливых придурков в стороны, парень кинулся на главаря и в этот момент Борис понял, что сейчас он будет драться не за статус, а за жизнь. Он хотел убежать, плюнуть на всё, от друзей до репутации, но за спиной стояла стена из людей, что ликовала во всю глотку!

Играя со своей жертвой, словно кот, Павел наносил мелкие незначительные удары, едва уловимо позволяя себя задеть. Через пару минут хулиган выдохся так, что готов был

уже и признать поражение, но глядя в эти бешенные глаза, что-то ему подсказывало, что, если он сейчас сдастся, шансов сдохнуть будет гораздо больше.

Решившись на последний отчаянный шаг, главарь бросился и попытался ударить обезумевшего ботаника битой. Он даже толком не понял, что произошло, когда бита выпала из рук, а запястье вывернулось неестественное положение. Ему просто выбили сустав и переломали пополам лучевую кость, но завывать он не успел, так как тут же пришёлся удар с ноги в челюсть.

С глаз посыпались звёзды, тело рухнуло, в ушах звенело, а взгляд пытался сфокусироваться на лютотом берсерке, который совсем недавно был жирным козлом отпущения. Толпа ревела, толпа кричала имя «Павел» так громко, что казалось, его слышали во всём городе. Его слышали все, кроме Бори, который смотрел в эти глаза. Совершенно чёрные, голодные... Настолько озлобленные, что его трясло. Казалось, он сейчас кинется в эту толпу и разорвёт её в одиночку, но, вместо этого, Козелков резко развернулся и закричал, что было сил:

– Максимус!!!

Толпа опешила, даже притихла, глядя в этот бешенный взгляд, но лишь на миг, чтобы уже через секунду завопить имя величайшего гладиатора своего времени. Максимус. Народ кричал его имя в такт, захлёбываясь восхищениями и овациями. Некогда невинные девочки-отличницы срывали

глотки, повторяя его имя. Мальчишки, от мала до велика, восхищённо повторяли имя того, кто дал им самое лучшее шоу в их жизни, а Максимус...

Он стоял, словно в какой-то прострации, вслушиваясь в крик толпы и вглядываясь в разъярённую публику. В один миг он прикрыл глаза, волна мурашек пронеслась по коже, после чего веки резко распахнулись, и он увидел его: лучшее из мест, где он когда-либо бывал.

Горячий песок под ногами, согретый знойным солнцем, тяжёлый воздух, в котором витали пот, кровь и пыль, а в паре метрах от него трибуны Колизея, с которых разъярённая толпа кричит его имя. Максимус. Максимус... Максимус. Она вторит это в так ударам его сердца, и кажется всё в этом мире теряет смысл. Ради этого стоит жить. Ради этого стоит умереть.

Он не был здесь, во дворе задрипанной средней школы, времён демократии и либерализма. Она был там, на пропитанной кровью, потом и слезами величайшей арене Древнего Рима, когда человеческая жизнь не стоила ничего. Он не слышит крики прыщавых ботаников и жирных скромняшек. Он слышит толпу, публику, зрителей, тех, что были в Риме, и которые прошли сквозь века, чтобы вновь кричать его имя.

Чёрные глаза, полные безумия и восторга, вглядывались в жителей величайшей империи на трибунах, и он знал, что они от него хотят. Они хотели крови, они хотели мяса, они хотели смерти... Они хотели Зрелищ! Он даст им зрелищ,

даст им всё, чего они пожелают, лишь они и дальше кричали его имя, разнося его эхом на всю империю!!!

Вдруг краем глаза в толпе звереющих оваций и восторгов, очи гладиатора заметили золотую макушку, которая почему-то кричала другое имя. Она махала руками, в карих глазах застал ужас и боль, она срывала глотку пытаясь докричаться до кого-то другого. Кого? Он смотрел на неё как на дуру, пытаясь разобрать, чьё имя она кричит... Павел. Кто такой Павел? Точно блаженная какая-то. Неважно, пора заканчивать.

С этими думами Максимус повернулся к поверженному и лежащему на песке гладиатору, поднял с пропитанной кровью почвы дубину и оскалился от уха до уха. Занеся своё оружие над голову, гладиатор вслушивался в крик толпы, что жаждала только одного, и, судя по всему, проигравший с вывернутым запястьем это почувствовал.

– Паша? – слышно выдохнул Борис, пытаясь отодвинуться от совершенно невменяемого одноклассника. Рука болела адски, но адреналин ударил в голову, а инстинкт самосохранения явно вопил, что этот маньяк расколлет ему башку и даже не моргнёт. – Паша, мать твою, ты рехнулся?! Опустит биту!!! Паша, это не смешно, это не уже не приколы!!! Паша, ты меня слышишь?! Паша????!!!

– «Panem et circenses», Боря. – буквально выдохнул школьник, от чего слюна побежала по губам.

– Что это значит????!!!

– Хлеба и зрелищ, мой дорогой друг. Толпа решает, толпа делает выбор... Толпа его сделала.

С этими словами Максимус поудобнее перехватил дубину, всё тело напряжилось, а в том, что он убьёт его, Борис не сомневался. Поверженный оцепенел, руки задрожали, сердце замерло, даже боль то раздробленного запястья отошла на второй план. Один падёт, чтобы второй забрал всё: таковы устои гладиаторских игр, всё или ничего. И не смея задерживать толпу ни на миг, Максимус размахнулся, чтобы расколоть череп пополам...

По рукам победителя что-то очень сильно ударило, не так, чтобы прям отнялось, но более, чем ощутимо. Максимус не понял, что это было, опьянённый овациями, он туго соображал, но всё же нашёл в себе силы повернуть голову и увидеть того, кто отважился выйти на арену против него.

В метре от гладиатора стоял мальчишка лет семнадцати, в кожаной куртке и джинсах, он нетвёрдо держался на ногах, рвано дышал, но вот его взгляд. Серые глаза смотрели прямо в лицо величайшему воину Рима. В них был страх, неуверенность, отчаяние... И гнев. Этот щенок кинулся на льва не для того, чтобы победить, а потому что терять больше нечего.

– Ты совсем страх потерял, крыса подколотая? – одними губами выдохнул Максимус, глядя на ничтожество, что отважилось ему перечить. – Ты что...

Но не успел мужчина договорить, как Павел кинулся на

воина, вцепился в глотку обеими руками, и закричал в лицо:
– Я – Крыса! Я – Насекомое! Я – Конченный Нытик и Размазня! Но я не Убийца! И я не позволю какому-то выродку без прав даже на собственное имя, замарать мне руки!

Даже не столько от силы и напора, сколько от неожиданности, гладиатор растерялся и этого хватило, чтобы решить исход. Наверное, только Борис и Настя заметили, что с парнем что-то не так. Сначала у Павла выпала бита из рук, а после его словно слегка шатнуло. Бешенное лицо разгладилось, пустой взгляд украдкой метался по сторонам, не видя перед собой ничего, как вдруг остановился на избитом хулигане. Козелков смотрел на одноклассника секунд пять, резко зажмурился, прижал руку к виску, словно от нестерпимой боли и простоял так ещё пару секунд. Борису это время показалось вечностью, как вдруг серые глаза распахнулись, и тут опешил уже не только «павший воин».

Совершенно трезвый и ясный взгляд напуганных серых глаз. Козелков смотрел вперёд себя очумевшими глазами, после чего глянул на руки и, казалось, сейчас заплачет. Глядя на ревушую толпу, у звезды школы был вид, как у напуганного котёнка, которого выбросили посреди улицы, серые глаза в панике пытались уцепиться хоть за что-то, и они в этом преуспели.

Золотая макушка и такие родные черты лица, искажённые, толи в страхе, толи в непонимании. Ещё секунду назад на его лице не было ни грамма рассудка, а сейчас он смотрит

на неё, как на последний оплот вменяемости. Это была какофония ужаса, безысходности, казалось, дай ему волю, и он со слезами убежит домой, как вдруг его скрутило, словно от боли и в тот же миг он поднял на Настю всё тот же безумный взгляд. Оскалившись до самых ушей, он натурально гавкнул в сторону оцепеневшей блондинки, посмотрел на в край потерянного одноклассника. Нет, у этого паренька точно с башкой что-то не так, он не сомневался.

– Мы отвлеклись. – выдохнул Максимус и начал наступать на поверженного. – Так на чём мы...

– Что тут происходит?! – голос завуча со стороны школы заставил лицо Козелкова перекошиться от ярости. – А ну разошлись!!! Кто тут это всё устроил?!

Павлик же лишь отработанно принял спокойное выражение лица, засунул руки в карманы и широко улыбнулся готовому разреветься хулигану:

– Цезарь приказал жить... Правда только сегодня. Помни об этом, и не забывай.

А дальше был просто лютейший скандал, с вызовом родителей, полиции, скорой и так далее. Под раздачу попали все! Каждый второй в этой толпе снял происходящее на телефон, а потому шансов оправдаться не было априори. Всех упекли, поставили на учёт, правда легче всех отделался именно Павел, ведь были свидетели, что это Борис со своими друзьями притащили битую, а это значит, хочешь-не хочешь, а они являются зачинщиками беспорядка. Козелков же отделался

выговором и предупреждением от полиции, что так делать нельзя.

Было ли Максимусу дело до того, что ему тут лопочет мент? Он его даже не слышал, погружённый в свои мысли и пытаюсь разобраться, что именно он испытывал. Он хотел размазать этого маленького жирного слюнтя по одному тротуару на пару с Борисом, однако... Он не мог отделаться от странного чувства гордости. Такие, как Максимус, уважают только силу и боевой дух, не приемлют слабость, им претит сама мысль о пощаде... Может не такой уж этот Пашенька и слабак?

А пока хулиганье и их родители пытались разобраться с местной полицией, Настенька почти бежала в церковь. Обычно она появлялась тут на мероприятиях и волонтерских службах, а также в преддверье экзаменов, но сейчас ей нужно было попасть сюда срочно. Добравшись до храма, она тут же кинулась искать монахиню, которой могла рассказать всё на свете.

Матушка Полина не отличалась мягким нравом, но могла подобрать слова не хуже, чем любой психолог, а порой и лучше, так как не особо боялась задеть. Этот раз не стал исключением.

– Матушка Полина! – Настенька едва не вынесла двери, под тяжёлые вздохи служительницы церкви. – Нам надо поговорить, прямо сейчас!

– Я тебе сто раз говорила, двойка – не показатель ума,

а лишь показатель твоей собранности и сосредоточенности. Более того, её всегда можно исправить.

– Я не об этом! Вы помните, я вам рассказывала про мальчика из нашего класса?! Ну тот, который изменился за лето до неузнаваемости!

– Анастасия, скажи мне честно. – тяжело выдохнула слушательница. – Почему ты так печёшься об этом юнце?

– С ним что-то не так!

– А до этого было лучше?

– До этого он был добрым, отзывчивым и...

– Ты не ответила на вопрос. – перебила старуха и глянула в эти растерянные карие глаза. – Лучше то, что было, или то, что стало?

Девушка как-то на миг растерялась и болезненно выдохнула:

– Вы не понимаете, Матушка Полина, он изменился до неузнаваемости, и я...

– Анастасия. – монахиня лишь тяжело вздохнула и продолжила зажигать свечи. – Мы с тобой говорили о Павле последние несколько лет довольно часто, и, судя по тому, что ты мне говорила, деля у него были не очень. Его все задирали, им все помыкали, ты никогда не рассматривала его как мужчину, потому что он был слаб и незрел. Не надо этих льстивых рассказов о том, что раньше он был другим. Да, он был другим, просто другим, не лучше и не хуже. Просто другим.

– Матушка Полина, мне кажется... Он теряется.

– А может «Находится»? Судя по тому, что ты мне рассказываешь, он начал очень хорошо выглядеть, его начали уважать и бояться, на него начали смотреть не как на козла отпущения, а как на полноценного мужчину. Может стоит всё оставить как есть?

– С ним что-то не так! Я уверена, с ним что-то случилось!

– Это очевидно, девочка моя. – обречённо выдала служительница. – С ним не могло ничего не случится, раз он в один момент стал таким! Может быть его что-то задело, что-то обидело, может быть даже ты. В этом нет твоей вины, да и быть не может!

– Матушка Полина, я...

– Ты хочешь вернуть то, что было, потому что тебе «это» нравилось, или потому что ты не хочешь принять «новое»? – на эти слова девушке не нашлось, что ответить, а монахиня лишь улыбнулась и подошла к блондинке. – Анастасия, пути господни неисповедимы. Иногда он даёт нам испытания, которые нам кажутся непосильными, но именно они делают нас теми, кто мы есть. Возможно, Павел просто решил изменить всё, бросить вызов всему миру, и, пока что, у него это получается. Ты не сможешь уберечь его от всего на свете, а даже если и сможешь... Он не нужен тебе. Не давай ему ложных надежд, а себе – лишних забот. Нет дороги к Богу, у каждого свой путь. У тебя и у Павла тоже.

За что Матушку Полину любили, так это за то, что после

её разговоров сказать было практически нечего. Настенька не питала иллюзий, она бы никогда не полюбила того Павла, который был, но того она хотя бы не боялась, а теперь она и вовсе не понимала, что с ним стало. Она видела его взгляд, взгляд растерянного одноклассника, её одноклассника, того самого, с которым она проучилась всю школу, и его взгляд промелькнул в этой какофонии безумия, как глоток здравого смысла. Что с Пашей? Где Паша? Он же есть, только... Где?

Точка невозврата

Сказать, что весь город стоял на ушах – это промолчать. Такого резонанса не ожидал никто, а потому почти до самого нового года видео с местной потасовки завирусилось так, что его крутили на каждом мероприятии. Бориса и его отморожков отправили в больницу, а после оформили по полной, дабы прикрыть их, но что-то подсказывало ментам, что эта компашка больше не побегаёт.

Выкрученные суставы, гематомы на органах, раздробленные запястья и кости, всё это говорило не только о прекращении активной деятельности местного контингента, но и о том, что они явно планировали пересмотреть свои взгляды на жизнь. Максимус, на удивление публики, тоже как-то присмирел и важно ходил по коридорам школы. Он зарекомендовал себя как тот ещё боец, но появилось в этих глазах что-то далёкое от высокомерия. Нет, он и не думал считаться с окрепшим щенком в теперь уже своей черепушке, просто он... Относится к нему чуть лучше, чем к дворовой собаке. Вот на такого уже можно пробовать набивать цену, но стоит он пока всё так же дёшево, хотя и имеет перспективу «подорожать».

Отношения с родителями улучшились, никаких ссор, никаких скандалов, всё чинно, мирно, жизнь наладилась, а

густой шевелюре Артёма начали появляться седые волосы. Боялся ли этот человек своего сына? До дрожи в коленях, особенно после того, как они вернулись со «святых мест» и любимое чадо хлебало святую воду под очумелые «танцы» экзорциста. Под конец сеанса, парень достал кагор, закусил просфорой, поднял бокал за здоровье взмокшего попа и спросил, есть ли что другое «на закуску», или только эти хлебushки. Короче, попытка изгнать дьявола закончилась пьянкой, но в целом, для сына, поездка удалась.

Самое страшное во всей этой ситуации было то, что, если не считать очень агрессивную реакцию на всех, кто ко-со смотрел, то парень не делал ничего плохого. Он не ввязывался в пустые драки, не приставал к девушкам, не воровал, не светился в полиции, после инцидента во дворе школы, а на Новый Год и вовсе оставил любимых родителей на романтический ужин, а сам свалил к очередным подружкам. Ему не было дело до этих людей, отец у него один, а потому потугами совести он не мучался, чего не сказать о Артёме и Марине.

Супруги Козелковы сидели за новогодним столом и молчали, украдкой глядя друг на друга и по сторонам. Говорить хотелось страшно, но никто не знал о чём, да и с чего начать.

– Артём. – тихо позвала женщина, и таки подняла глаза на мужа.

Мужчина, в свою очередь, украдкой глянул на супругу и слегка потерянно уставился. Слов, как не было, так и нет,

но что-то во взгляде заставило его одобрительно покачать головой, с чем-то соглашаясь и продолжить трапезу. Марина лишь рвано выдохнула, и только набрала воздух, чтобы что-то сказать...

– Я думаю, нам пора признать это. – обречённо выдал мужчина.

– Что признать?

Артём отложил вилку и посмотрел на жену, как на вторую жабу в их болоте.

– Что как родители, мы – не лучший пример.

– Это ты сейчас о чём?

– Обо всём, Маша. Когда с ним это случилось, мне показалось, что мир начал рушиться и трещать по швам. Мне понадобилось больше полугода, чтобы понять, что вся наша жизнь разрушилась за долго до этого.

– Я не понимаю...

– Всё ты понимаешь. – злобно прорычал супруг, у которого рука больше ни разу не поднимется ни на кого в этом доме, а то мало ли что. Да и не видел он больше в этом смысла. – Вся наша жизнь, весь наш брак, семья, всё это держится на одном слове: «надо». Не на «Уважении», не на «Любви», даже не на «Ребёнке»! Я думал, что это я живу «от командировки, до командировки», а нет... Вся наша семья так живёт. Я ни разу тебе не изменил, хотя, признаю, хотелось часто. Я думал, это и есть «Любовь», но... Это не она.

Сказать по правде, сначала она хотела заплакать, пока до

неё не дошло, что она ничего не чувствует. Она смотрела в лицо мужчины, отца своего единственного ребёнка, человека, с которым она прожила половину сознательной жизни, но не чувствовала ничего. Её не трогали слова о возможной измене, её не трогало почти прямое заявление о разводе, внутри вдруг стало так пусто, всё рухнуло, и от этого, почему-то, стало легче.

Полночь ознаменовала переход к новому календарному году, в помещении было два самых родных и совершенно чужих друг другу человека. В этой семье давно нет ничего, и Максимус лишь открыл глаза всем им на то, насколько пустой и никчёмной жизнью они живут уже столько лет.

Это было тихое обоюдное решение, в котором никто никого ни к чему не принуждал, а потому супруги начали медленно, но, верно, собирать документы для расторжения брака. Максимусу было плевать, а Павлу... А Павлу уже тоже было плевать. Когда ты заперт с чудищем в одной клетке без права на выход, ты в один момент понимаешь, насколько же тебе на всё становится плевать, даже на родню и близких. Он не хотел ввязываться в дела родителей, где-то внутри понимая, что так, скорее всего, будет только лучше, но что-то всё же щемило.

Максимус жил здесь и сейчас, беря от жизни всё и не думая о врагах, которых наживал, а нажил он немало. За этот неполный год прибывания на «этой стороне» у него было столько подруг, что он со счёта сбился, сколько сердец раз-

бил, да и чего греха таить, не считал он их. А вот юные дамы, обиженные на весь свет и незадачливого «Донжуана» сильно бесились и катали заявы. На него написали уже заяв двадцать, но нигде не смогли прижать, так как он был не только распутником, но ещё и крайне дальновидным. Всегда на виду и только при наличии письменного согласия. Да, бюрократию придумали задолго до Римской Империи, так что Максимуму это не грозило.

Всё шло, как по маслу, однако нашлась одна крайне впечатлительная особа, которая так распереживалась на любовной почве, что наглоталась таблеток. Её откачали, но в кому она впала, да и пёс бы с ней, если бы она не была сестрой одного из местных авторитетов. Представителю не самого законного сословия не понравилось халатное отношение к его генеалогическому древу со стороны какого-то подкачавшегося выскочки, а потому угрозы на телефон стали нечто обыденным. Мыльная опера с розовыми соплями и мексиканскими страстями длилась едва ли не до весны, уже поговаривали об экзаменах, развод родителей был не за горами, но, если точка кипения достигается по мере накаливания ситуации за счёт времени и бездействия, то в данной ситуации всё сработало, как пороховая бочка, то бишь случайно.

В тот день уроки были по расписанию, никто не болел, ничего не отменяли, а потому поток учеников плавно перетекал из одного кабинета в другой. «Большая перемена», это время, когда можно встретить кого угодно и где угодно, и

встреча двух одноклассников в не самом оживлённом коридоре, близ библиотеки, не стала ни для кого удивлением.

– Привет, Настюха! – ехидно выдал молодой ученик, как-то неоднозначно глянув на блондинку. – Как жизнь? Давно не общались.

– Ты у нас теперь звезда. – устало выдохнула девушка. – Куда не глянь, все о тебе говорят.

– Тебя это обижает?

– Паша. – Настенька немного нервно посмотрела по сторонам и опасливо глянула в наглые серые глаза. – Это видела не только я. Прошло уже почти полгода, но... Что с тобой было в той драке?

– О чём ты?

– Ты прекрасно знаешь, о чём я. Ты словно на миг пришёл в себя, а потом снова сошёл с ума!

– Ты всё никак не можешь смириться с тем, что я перестал быть размазнёй.

– Паша, я не знаю, что с тобой происходит, но...

Не успела девица договорить, как крепкие руки ловко ухватили за талию, а горячие губы впились намертво, не давая даже шанса выпорхнуть ни из хвата, ни из поцелуя. Сказать по правде, она опешила, но уже через миг начала вырываться, явно давая понять, что это не тот случай, когда подобные номера срабатывают. Надо признать, она ужасно испугалась, а на глазах навернулись слёзы, однако от паники она вцепилась в щеку парня, оставив глубокую царапину, а

тот неприятно поморщился и отстранился, но хватки не разжал.

Он смотрел нагло, словно уже победил, от чего у Насти на душе становилось гадко и отвратно, а Павел лишь одной рукой провёл по золотым волосам и выдохнул в готовое разреветься личико:

– Настенька... А ты знаешь, что я люблю тебя с третьего класса? Как жаль, что тебе всю жизнь было на меня плевать, но что поделать, судьба-злодейка. Понимаешь, сладкая моя, весь парадокс ситуации заключается в том, что ты готова удавиться, дабы вернуть то, что тебе никогда не было нужно. Ты у нас такая вся правильная, отличница, в церковь ходишь, всяким убогим неудачникам помогаешь. Зачем? Зачем ты сеешь это зло и боль вокруг?

– Какое ещё зло?! – одноклассница была на грани истерики.

– Надежду. – почти с любовью выдохнул Козелков. – Надежда – самый страшный кошмар ящика Пандоры, которого боялись даже боги, а потому не выпустили в наш мир. Ты пытаешься помочь этим крохотным «червячкам» стать «бабочками», вытаскиваешь их из компостной кучи. А когда эта орава дождевых червей и болотных слизней таки не отрацивает крылья... Ты бросаешь их, чтобы они сдохли под палящим солнцем и когтями воронья. Ты смотришь на это пиршество с улыбкой, они улыбаются тебе в ответ, давясь слезами и кровью, ведь они не могут не быть тебе благодарными.

– Что за чушь ты несёшь?!

– Что случилось с девочкой, которую удочерили из приюта год назад? Ты общалась с ней до того, как она попала в приёмную семью.

– А это тут причём?!

– Что с ней стало?

– Я не знаю, её удочерили!

– А я знаю. – гаденько улыбнулся Павлик. – Она выпала из окна шестого этажа и чудом осталась жива. А грохнулась она оттуда, когда к ним в гости припёрся бухой кузен, которому перекрыло ширму и кинулся на ребёнка. Она хотела перескочить с одного карниза на другой... Не прокатило. А ты об этом даже не знаешь. Потому что тебе плевать. – улыбка сошла с лица, а взгляд стал холодным и презрительным. – Ты – меркантильная эгоистка, Настенька, которая всю жизнь пытается казаться лучше, чем есть. Ты делаешь доброе дело, а дальше тебе всё равно, твоя карма почищена, поэтому ты клеишь пластырь на открытый перелом и улыбаешься, мол «я с тобой»! И все эти мелкие людишки искренне верят, что ты с ними до последнего, а тебя никогда нет.

Честно говоря, девушка больше не хотела этого слышать, она вообще больше не хотела иметь ничего общего с этим человеком, но Павел и не думал отпускать её. Мысль закричать уже не казалась такой абсурдной, но звезда школы лишь заботливо заправил золотую прядь за ушко, после чего ласково выдохнул:

– Люси, а скажи честно, ты девственница?

– Я с тобой вообще больше никогда не буду разговаривать.

Отойди от меня.

– Может в этом и проблема? – тут улыбка приобрела уже совсем недобрый подтекст, от чего блондинку передёрнуло. – Ты какая-то зажатая. Расслабься, Настенька, никто не без греха. Кто знает, может даже понравится, причём я даже могу тебе в этом...

В этот момент школьница не поняла, кто из них двоих сошёл с ума, потому что дальнейшее действие адекватно было не объяснить. Они стояли в том коридоре вдвоём, но она была готова поклясться, что Козелкова кто-то схватил за шиворот, оттянул от девушки на метр и три раза с размаху ударил головой в стену. В том, что Павел делал это не по доброй воле, говорили кровавые разводы на побелке и струйка крови, что стекала на нос. Он бился о стену, грозясь расшибить черепушку, так не бьются прикола ради, ещё и зверски корчась от боли.

Его отпустило так же быстро, как и накрыло, после чего школьник схватился за лицо и согнулся пополам. Руки были в крови, лоб разбит, голова гудела, а бешенный взгляд хаотично метался. В серых глазах, что уже налились кровью, мелькала смесь ужаса, ненависти, ярости, адреналина, казалось, одно неверное движение, и он сорвётся, либо на бег, либо в драку.

– Я убью тебя. – тихо шепнул парень, взгляд которого со-

вершенно не вязался с шёпотом в пустоту. – Я убью нас обоих. Я расшибу башку о стену, если ты ещё раз подойдёшь к ней. Мне терять нечего.

Отличница стояла, ни жива, ни мертва, вглядываясь, как парень сыплет угрозами невидимому собеседнику, причём офигевая на глазах с собственных слов. В том, что у одноклассника шиза уехала дальше извилин, блондинка не сомневалась, а Павел в свою очередь лишь медленно поднялся и посмотрел в стену, в которую только что бился. Кровавые разводы ещё блестели на стене, кровь стекла до подбородка, однако он не мог оторвать взгляд.

Вдруг волна мурашек пробежалась по спине, а из груди раздался рваный выдох, после чего Козелков шаткой походкой начал отходить назад, не сводя взгляда с кровавого пятна. Это был страх, но не тот, который был присущ забитому вжавшемуся в угол сопляку, а ужас дикого зверя, что явно перешёл в состояние «Бей или Беги».

– Павлик. – одними губами шепнула блондинка, медленно по стенке уползая в сторону. – Что с тобой?

Школьник молчал, украдкой стирая кровь с носа, и даже не сразу заметил, как страшно у него дрожат руки. Пальцы ходили ходуном, его трясло, он дышал глубоко и рвано, ноги подкашивались, как вдруг серые глаза опасно метнулись в сторону не менее напуганной блондинки. Он смотрел на неё с пару секунд, как вдруг развернулся и сухо выдал:

– Мне пора.

Настя не успела опомниться, как бывший друг скрылся в коридорах и направился к выходу из школы. Кровь всё так же капала и текла по лицу, а потому на выходе начали задавать вопросы, отказываясь выпускать на улицу без объяснений. Павел церемониться не стал, а просто развернулся, дошёл до ближайшего окна на первом этаже и просто спрыгнул. Все портфели, учебники, всё, кроме телефона и бумажника осталось в школе, но парню было плевать.

С разбитым лицом, пугая прохожих, он просто шёл на таран не зная куда. Он шёл так несколько часов, пока адреналин не поутих и он не остановился на какой-то окраине. Забрёл несчастный не в самый хороший район, но ему было плевать, лишь бы ноги перестали подкашиваться.

Кровь запеклась, сердце успокоилось, а сам Максимус лишь медленно опустился на колени и потёр разбитое лицо. Нервная улыбка растянулась на и без того не самой приятной физиономии, но боли и ужаса было в ней гораздо больше, чем всего остального.

– Чего ты так испугался? – голос мальчишки раздался на затворках сознания.

– Заткнись. – прошептал гладиатор, не в силах встать на ватные ноги. – Просто заткнись.

– Тебя в детстве часто башкой били, что ли?

– Усохни, тварь. – раза с четвёртого Максимус таки смог поднять ватное тело на ноги и относительно успокоиться. – Меня били по-всякому, так, как тебе и не снилось. Так что

привык.

– Если ж привык, тогда чего тебя так колбасит?

Максимус ничего не ответил, а лишь отрешённо пошёл в сторону дома. Было в его походке что-то механическое, словно он обдумывал движение каждого мускула, а потому шёл он не очень быстро. К тому моменту, когда он относительно пришёл в себя, уже начало смеркаться. Неприятный район он выбрал, нарваться тут было, как пить дать, но если он мог за себя постоять, то были и те, кто не мог.

Кошачий вопль раздался на всю улицу где-то метрах в двадцати, но Максимус, как шёл, так и шёл, словно не слыша этого. Сейчас он хотел добраться до дома, как можно быстрее, ему совершенно не было дело до того, как какие-то отморозки мучают животину в подворотне. Он был эгоистом, который в жестокости переплюнул бы любого живодёра и садиста, но, как и с утра, всё пошло под хвост «жертвы».

– Они кота мучают! – бесновался главный моралист. – Ты куда топаешь?! Сделай что-нибудь!

– Это не мои проблемы. – как заведённый повторял бывалый гладиатор. – Это всё не мои проблемы. У меня нет проблем, и я не собираюсь о них мараться!

– Ты отмороженный придурок?! Сделай что-нибудь!

– Отвали! Я иду домой и...

Тут парня снова словно схватили за шкуру, но на этот раз он упал на землю и выгнулся в столбняке. Он даже не зал, что умеет так делать, но на этом экзекуция не кончилась.

Швырнув тело вновь на асфальт, парня начало метать, словно его били по бокам, а пальцы вцепились в лохмы, грозясь вырвать их вместе с кожей.

– Не твои проблемы?! – хрипела пережатая в конвульсиях глотка, пока глаза подкатились, оставляя лишь налитые кровью белки. – Значит таков ты, Максимус?! Не твоя забота, не твои проблемы?! Пусть убивают, насилуют, мучают, тебе-то что?! Ты просто трусливый подонок и имени у тебя быть не может! А знаешь, почему?! Потому что ты не Человек! Ты – Вещь! И всё, что у тебя когда-либо будет, это жалкая кличка, на которую ты даже не имеешь права!!!

Всего на миг всё тело словно парализовало, даже сердце пропустило удар, однако уже через секунду, Павел подорвался и кинулся в сторону воющего кота. Зачем он это сделал? Да вы хоть можете вообразить, что в этой башке творилось?!

Их было шестеро, шпана лет четырнадцать, поймавшие кота и явно получающие удовольствие от того, что изрядно подпалили шёрстку. Зверь вопил, шипел, пытался вырваться, но лапы были связаны, кое-где мех слипся от крови и свежих порезов, но экзекуции было не суждено продолжиться.

Сказать по правде, ребята перепугались, потому что были уверены, что к ним прибежал какой-то торчок. Павел выглядел, как марионетка, с оборванными нитками. Ноги подкашивались, руки болтались, лицо перекосило, глаза разъезжались, а глотка кричала что-то нечленораздельное, путая предложения, смысл, слова и даже звуки. В принципе «отпу-

стите кота», это единственное, что поняли молодые живодеёры, но улыбнуться не успели, как и что-то съязвить, так как это нечто, с боевым кличем кинулось на подростков.

Когда на тебя бежит неведомый псих, толи под наркотой, толи в приступе эпилепсии, это обескураживает, а потому Козелков снёс одного из отморозков и начал хаотично затаптывать ногами. Дружки подсуетились, кинулись с палкой, но рефлексy работают отдельно от головы, а потому не подвели. Махач длился минут пятнадцать, одержимый шизик отбил руки, ноги, почки малолетним придуркам, и несчастного кота, который с этого психа обалдел ещё больше, чем со своих мучителей.

Сначала они хотели наябедничать, но увидев, как этот отмороженный ругается сам с собой, материт кроссовки и бьётся в стены, они решили, что выбитые зубы – это не такая большая проблема, чтобы стучать родителям. С такими вообще лучше не связываться. Кота он отбил, гуманитарная миссия выполнена, теперь можно придаваться «внутреннему конфликту».

Дело близилось к позднему вечеру, за окном уже зажигались первые фонари, а на душе Марины скреблись кошки. Когда-то она подымала лютую панику, если её чадо не являлось домой, а сейчас ощущала только мерзкое чувство безысходности и грядущей неизбежности. Как круто изменилась её жизнь всего за какой-то неполный год. Артём сидел в своём кабинете, собирая необходимые документы о

разделе имущества, а потому не видел, как его сын ввалился в двери дома, потому что по-другому назвать это было нельзя.

Сказать, что Павел выглядел плохо – это промолчать. Его словно трактор переехал: грязный, потрёпанный, взмокший, лоб был разбит, на перекошенном лице запеклась кровь, а подмышкой был зажат подпаленный кот, который был в шоке не меньше, чем родительница.

– Пашенька? – у матери едва не подкосились ноги от увиденного. – Сынок, что с тобой случилось?

– Со мной всё в порядке!!! – даже не скрывая наезд прорычал парень. – Я в порядке!!! В порядке!!! Почему вы меня все об этом спрашиваете????!!!

– Что это за кот?

– Я ненавижу котов! И людей ненавижу! А потому я отбил этого кота у живодёров!!!

– Зачем?

– Потому что ты воспитала бесхребетного дебила, который не может спасти свою задницу, но при этом лезет спасать всяких блохастых мразей!!! Вот делать твоему сердобольному хлюпику больше нечего!!!

Марина смотрела на своего сына, что материл сам себя, проклиная последними словами, крепко сжимая подмышкой напуганное животное. Со стороны это выглядело, как явный наркотический приход или шизофрения, так или иначе, номер телефона не меняется.

– Сынок, я не буду ругаться или что-то говорить. – рука женщины уже потянулась за телефоном. – Но скажи мне честно, ты пил что-то или может, употреблял?

Павел стоял в проходе пару секунд молча, бросил кота на пол и направился к серванту, где стоял отцовский коньяк. Осушив стакан, парень потёр лицо и облокотился о мебель, после чего рвано выдохнул. Надо успокоиться, сейчас он придёт в норму и всё будет хорошо. Сегодня был на редкость паршивый день.

А пока парень стоял у серванта, Марина медленно направилась в сторону своего телефона. Гостиная комната в их квартире располагалась так, что прямо напротив двери была прихожая, в которой было зеркало в полный рост и тумбочка. Это зеркало стояло так, что в нём можно было увидеть всю комнату, включая сервант, возле которого стояло неменяемое чадо. Сказать по правде, матушка рассчитывала на это, ибо она боялась отворачиваться от сына, пока будет звонить, но стоило ей подойти к тумбочке вплотную и посмотреть в зеркало, как она забыла, зачем она сюда вообще пришла.

В зеркале она увидела отражение Павла, но за стеклом он стоял к ней лицом, озлобленно глядя в спину парня у серванта. Женщина раза два перевела взгляды, где-то подмечая, что скорая уже нужна ей, но стоило ей потянуться к телефону, как отражение резко перевело взгляд на мать и приложило палец к губам. Вид у него был настолько сосредоточен, а

взгляд твёрд, что родительница оцепенела, но долго просто-
ять ей так не удалось.

Отражение дрогнуло, глаза расширились, а тело напряг-
лось, но стоял он твёрдо, глядя куда-то вперёд, в явной го-
товности. Марина едва ли не со скрипом повернула голову
и увидела то, что её сын тоже смотрит в зеркало, но, мать
божья! Минуя все законы физики, он стоял совсем не так,
как в зеркале!

Сколько длилась игра в гляделки, не знал никто в этой
комнате, но все запомнили, когда она закончилось. Макси-
мус резко вскинул руку и словно отмахнулся, однако отра-
жение даже не дрогнуло, от чего парень сначала попытался
усмехнуться, но ухмылка растаяла на глазах, а ноги вновь
подкосились. Он стоял, разбитый в хлам, напоминая всё что
угодно, только не бравого гладиатора, и всё же он нашёл в
себе силы поднять глаза и с лютой ненавистью посмотреть
на эту тварь в зеркале.

– Почему ты просто не сгинешь? – прорычал Максимус,
шаткой походкой наступая на зеркало, вкладывая в слова
всю злобу и ненависть, которая в нём копилась со времён
Римской Империи. – Зачем ты здесь? Что тебе надо на этой
стороне? Ты жалкое ущербное насекомое, потерявшее всё на
свете. У тебя было всё: свобода, тело, имя, жизнь... Что ты
с этим сделал? Во что ты себя превратил? У меня не было
ничего, я вгрызался в землю, боролся за каждый прожитый
миг... Ты не заслужил этот мир, эту жизнь, это тело... Уй-

ди... Уйди.

Отражение молчало, твёрдо глядя в эти глаза. Внутри всё кипело от ярости и осознания, что Максимус говорит правду. Он смотрел в серые глаза собственного тела, которое привёл в порядок самый ужасный человек в его жизни, как вдруг взгляд стал ещё более острым и пронзительным. Такая дерзость разозлила гладиатора, парень схватил стакан с серванта и уже собрался запульнуть в зеркало, как вдруг тара отлетела куда-то в коридор, под ошалелый взгляд всех присутствующих. В том, что Марии нужен психиатр, она не сомневалась, а вот Максимус ошалело смотрел в отражение, и видят боги, впервые он ощутил страх перед этим человеком.

Рука Павла была вытянута в сторону, куда улетел стакан, и это единственное, что совпадала у Отражения и Реальности. Максимус мотал головой, то на зеркало, то на собственную руку, которой не мог пошевелить, и в этот момент он почувствовал, как уголок губ сами с собой потянулся вверх. Ошалелые серые глаза уставились в зеркало, а внутри что-то заныло.

Из-за стеклянной поверхности на него смотрел совершенно спокойный и уверенный парень, которому ничего не нужно было доказывать, ни себе, ни всем остальным. Он смотрел так уверенно и твёрдо, что об этот взгляд можно было порезаться, но, самое главное, Максимус не мог даже шелохнуться. Игра в гляделки длилась минуты полторы, как вдруг гладиатор как-то досадно и неоднозначно вздохнул, и едва

заметно прикрыл глаза:

– Ну вот, забитый щенок и умер... Чтобы стать Волкодавом.

Павел ничего на это не ответил, но буквально в то же мгновение, лицо Максимуса перекосило в болезненном оскале от уха до уха, и ещё вопрос на засыпку, кто одурел с этого больше: гладиатор или Марина. Отражение оскалилось так, словно ему самому от этого больно, словно он хотел порвать пасть этому ублюдку и делал это через собственную боль. Павел резко встал прямо и вытянул руки по швам, от чего тело безвольно повторило тоже самое, сорвалось с места и не влетело в зеркало лишь потому, что у гладиатора таки нашлись силы выставить руки и упереться в раму. Павел смотрел на это дьявольское отребье, как на мясо, его переполняла злоба и ненависть, но больше всего его трясло с неистового чувства презрения и жалости к этому гаду.

– Моё имя... Козелков Павел Артёмович. – злобно прычало зеркало, дрожащим голосом парня перед ним. – Я сын Марины и Артёма Козелковых. Я был рождён под этим именем... И мне не нужна куча продажных фанатов и ликующие толпы, чтобы запомнить собственное имя!!!

С этими словами Павел вскинул кулак, а Максимус только и успел смекнуть, что происходят, когда кулак со всего размаха влетел в зеркало. Паутина трещин разошлась по поверхности, приведя атрибут интерьера в негодность, и на этом бы всё и закончилось, если бы зеркало через миг не раз-

летелось вдребезги по всей комнате. Было самое натурально ощущение, что в него кто-то влетел изнутри, осколки долетели едва ли не до серванта, что-то украдкой задело Марину, а Максимус только и успел на своей шкуре прочувствовать всю суть поговорки: «не расти зверя, с которым тебе не справиться».

Две крайности

Родительница стояла возле входной двери, ни жива, ни мертва, закрыв голову руками и боясь даже вдохнуть. Она напрочь не понимала, что происходит вокруг, а потому подняла взгляд только минут через пять. Осколки зеркала разлетелись во все стороны, некоторые застряли в стенах и мебели, словно их туда швыряли с силой, если не вовсе вколачивали, какие-то кусочки разбили рядом стоящие вещи, стаканы, попортили обои, но волновало Марию не это.

Напротив разбитого зеркала стоял её сын, который ошалело глядел на собственные руки. На нём не было ни одной царапины, если не считать разодранного в мясо кулака, который он разглядывал, как лютейшее из чудес, что у него случилось. Казалось, он сам не верил в то, что видел.

– Павлик? – почти плача выдохнула женщина. – Павлик?

Парень посмотрел на мать так, словно ждал, что она на него набросится с кулаками или топором, но даже осознавая, что она напугана ещё больше, чем он, он не рисковал сокращать дистанцию. Марина глядела на сына ещё минуты две, как вдруг на глазах навернулись слёзы, и та с воплем кинулась обнимать своё чадо. В том, что это – её сын, она не сомневалась, потому что узнает эти напуганные глазки из тысячи.

Парень же слишком опешил с происходящего, чтобы сопротивляться, или соображать, а потому матери не препятствовал. Зеркало разбито, он выбрался и отправил Максиму-са на ту сторону, но что-то ему подсказывало, что весь кошмар ещё только впереди. Эта тварь сидела на той стороне со времён Римской Империи, и уж точно не отступится так легко, да и зеркал куда больше, чем может показаться.

Внутри всё клокотало и варилось, толи от злобы, толи от безысходности, но, скорее всего, просто от истерики, что рвалась со всех концов. Не в силах сладить с избытком эмоций и подкатившим к горлу комом, Павел, совершенно не отдавая себе отчёт, оттолкнул от себя мать и рванул в свою комнату. Марина что-то кричала, но парню было всё равно. Ему срочно надо валить, в любом направлении, лишь бы быстро и без оглядки.

Почему дверь не сорвали с петель, так и останется загадкой, но бешенный взгляд серых глаз, нервно искал, за что бы уцепиться. Что он искал? Скорее всего, свой рассудок, который остался где-то среди осколков зеркала возле входной двери. Мозг работал как-то врозь с реальностью, да и коротил знатно, отдавая только команду что надо что-то схватить и бежать. Его бы так и долбило, если бы из соседнего зеркала на двери шкафа не раздался глухой удар.

Сказать, что Павел оцепенел – это промолчать, а потому, совершенно не глядя, подросток схватил рядом лежащую гирю и запульнул в шкаф. Звук битого стекла разнёсся на всю

комнату, а подросток просто рухнул на пол, вцепился в волосы и завыл так, как никогда прежде. Это был вой раненного зверя, который не знал, чего он хотел больше: жить или сдохнуть. Срывая глотку в кровь, мальчишка согнулся так, что упёрся макушкой в пол, пока из глаз капали крупные слёзы. Ну и что ему теперь делать?

Серые очи метались по ковролину, поднимать голову было страшно, однако он смог повернуть её в сторону темноты под кроватью, и страх вмиг отступил, уступая место оцепенению. С пару секунд он просто таращился в пыльный проём, после чего отрешённо, ватными руками потянулся под кровать и вытащил вещь, которая в корне изменила всю его жизнь.

Она пролежала там почти год, нетронутая, покрытая толстым слоем пыли, ухмыляясь своему новому хозяину, который хотел сожрать его на пару с битым стеклом всех зеркал мира. Книжка. Та самая проклятая книжка, которую дал ему не менее проклятый маргинал в переулке. И не было на свете вещи, которую Павел ненавидел хотя бы чуть больше, чем этих двоих... Или была?

– Павлик! – грозный голос отца разорвал наступившую тишину, но не на секунду не вырвал парня из его дум. Артём же не знал, ему психовать или падать замертво, претворяясь мёртвым. – Что ты тут устроил?! Это как вообще понимать?! Павел, ты вообще меня слышишь?!

– Выйди из моей комнаты. – шёпотом выдал сын, обесси-

ленно подымая к потолку заплаканные глаза. – Пожалуйста.

– Павел! – родителя не на шутку пугало состояние единственного ребёнка и наличие битых стёкол в доме, но также мужчине дьявольски надоело его поведение. – Сын, я достаточно терпел это, но ты начал переходить все границы! Я понимаю, где-то мы были неправы, но твоё поведение...

– Оставь меня. – перебил подросток, не в силах больше сдерживать всё и заплакал уже в голос. – Оставьте меня все!

Он плакал, просто рыдал, как побитая псина. Он так не рыдал даже тогда, когда его унижали всем скопом и классом, искренне и вовсе не желая, чтобы его пожалели. Ему это больше не было нужно, ни внимание, ни любовь, ни забота, ему просто нужно было выпустить этот ком, который копился в нём долгие годы и сейчас, наконец, вышел наружу.

Артём стоял, ни жив, ни мёртв, напрочь не понимая, что за дурдом тут творится, и ко всему этому подключилась ещё и подбежавшая Марина. Она несла какую-то нечленораздельную дичь про зеркало, какое-то отражение, про то, что сын вернулся и ещё невесть что, от чего у главы семейства окончательно сдали нервы. На жену руку он не поднял, чего не сказать о голосе, а вот Павлу повезло меньше. Не в силах больше терпеть этот балаган, мужчина резко подошёл к сыну, схватил его за волосы и потянул вверх... А дальше всё, как в тумане.

Истерику, как отрубило, спина напряглась так, словно её свела судорога, тело отреагировало само, и всё, что успел по-

чувствовать Артём, это то, как хрустнуло запястье, а после, как посыпались звёзды из глаз. С такой силой его не бил в морду даже Максимус, от чего он едва не потерял сознание. Это было настолько больно, однако адреналин приказал не отключаться.

Этот взгляд, нет, это не был взгляд прожжённого жизнью и болью гладиатора, но и забитого мальчика в нём не было. Ярость, ненависть, злоба, и нескончаемое презрение, но не к отцу.

– Ты. – сквозь зубы рычал парень, покуда по перекошенному злобой лицу катились горячие слёзы. – Ты... Ничто. Ты всегда им был, а я был таким же. Я так тебя боялся, ты казался мне таким страшным и сильным... А потом в моей жизни появился Он! Чудовище, каких нет в этом мире, и ты померк на его фоне!!! Всё зло этого грёбанного мира померкло на его фоне, а я... – тут парень зажмурился, словно от боли, вцепившись в книгу руками, явно желая разорвать её на части, но что-то внутри не дало ему этого сделать. – Я... Я больше тебя не боюсь. Я больше никого в этом мире не боюсь... Даже Его.

С этими словами Козелков просто перешагнул через отца, обошёл рыдающую мать и стремительно направился в сторону выхода, не оборачиваясь и не глядя в отражающие поверхности. Где-то внизу крутился напуганный кот, которого парень просто сгрёб в охапку и вышел из дома. В голове была каша, из витрин и тонированных окон машин доноси-

лись стуки и треск, но Павел не смотрел. Он хозяин своей жизни, он и только он, и пусть ноги подкашивались от страха и безысходности, он просто обязан сейчас прийти к единственному человеку, который ненавидел и боялся его всеми фибрами души. Зачем? А кто его знает, просто надо!

Телефон зазвенел вот прям совсем некстати, а высветившейся номер и вовсе заставил парня завывать. Опять эти отморозки со своими угрозами! Ну вот нахватал Максимус ему проблем в жизни, а ему теперь расхлябывать, чего он в упор не собирался делать, из-за чего тупо сбросил и продолжил свой путь.

В тот вечер Настя была одна, родители уехали, а подумать ей было над чем. В том, что у Паши проблемы с головой, она не сомневалась, но контакты местных экзорцистов всё-таки загуглила. Сердце было не на месте, она действительно боялась за бывшего друга, но ещё больше, боялась его самого. Он разбил себе голову о стену, а это уже по меньшей мере надо иметь либо веские основания, либо веский диагноз.

Из мрачных дум девушку вырвал звонок в дверь, она никого не ждала, а потому такой визит на ночь глядя её заметно напряг. Она была девочкой осторожной, всегда заглядывала в глазок, и этот раз не стал исключением, но встретив ночного визитёра, Настенька просто решила отойти от двери и сделать вид, что никого нет дома. Вот последнее, что она хотела, это остаться с этим человеком наедине.

Павел же лишь тяжело вздохнул, уверенно кивнул тиши-

не, поудобнее перехватил котёнка и направился прочь от двери. Не сказать, что блондинке сильно полегчало, но стало как-то спокойнее. Если бы дома были родители, она быть может, и открыла, но сейчас решила перестраховаться. Не желая оставаться одной в тёмном коридоре, Настя направилась в свою комнату, дабы слегка успокоиться, открыла дверь и...

– Нам надо поговорить! – почти с наездом выпалил Козелков, что уверенно сидел на подоконнике открытого окна и глядел на готовую грохнуть в обморок девицу. – Настя, это вопрос жизни и смерти, моей так точно!

– Я не знаю, зачем ты пришёл, но уходи немедленно! – даже не скрывая слёз, открыто плакала девушка. – Я не шучу, я вызову полицию!

– Настя, я знаю, как это выглядит, но ты должна мне поверить! – Павлик на ватных ногах сполз с подоконника и сам грозился заплакать. – Этот год... Ты не поверишь, я знаю, но просто выслушай!

– Я не собираюсь тебя больше слушать! Ты болен, тебе нужна помощь!

– Если бы я был болен, это бы ещё можно было решить! А тут всё совсем плохо!

Одноклассница была напугана, она не знала, ни что думать, ни что делать, но из мрачных дум её отвлёк котёнок, который осторожно крался к выходу из комнаты. Это действие слегка отрезвило девицу, и та машинально закрыла дверь в коридор, чтобы живность не выскочила в дом.

– Павлик. – сисясь не зарыдать в голос умоляла девица. – Я прошу тебя, просто уйди. Мне всё равно, это твой выбор, ты изменился, не знаю, хорошо это или плохо, но...

Это был глухой удар, словно кто-то долбанул кулаком по стеклу, от чего Настя замолчала, а Павел побледнел. В окне никого не было, да и чего греха таить, оно было открыто нараспашку, однако удар повторился, но как-то с другой стороны, а точнее, со стороны шкафа.

– Не смотри туда. – спёртым от страха, но почти наездным тоном приказал незванный гость, уверенно глядя в напуганные глаза одноклассницы. – Смотри только на меня. Даже не моргай.

Удары стали такой силы, словно кого-то заперли в гардеробе, и отличница повернула голову чисто на автомате, как вдруг ей показалось, что дурку всё же придётся вызывать, только ей.

С остервенением бешеного медведя, в зеркало билось отражение озверевшего одноклассника. Оно ломилось в стекло, словно запертый в клетке зверь, который почувал свободу и готов был если не вынести зеркало, то расшибиться об него точно! Настя настолько не понимала, что видела, что даже не заметила, как дрожащие руки аккуратно коснулись щеки и повернули к себе ошалелое лицо. Вид парня мало чем отличался от девицы, с одной единственной разницей: полным осознанием ситуации.

– Давай мы сделаем вид, что ты ничего не видишь, а я

ничего не знаю. – от этих слов подруга вжалась в запертую дверь, тихо шепча под нос какие-то молитвы, но Павлик лишь нервно усмехнулся. – Не, молитвы не прокатят, даже экзорцист не помог. Папа пытался.

– Что это такое? – сквозь слёзы ужаса шептала блондинка, медленно оседая на пол, но парень успел её подхватить, дабы та не рухнула.

– Тебе честно сказать? Я вызвал Дьявола. Да, того самого, а этот гад взял и пришёл! Не берут его, ни святая вода, ни молитвы, ни даже экзорцист! Достал он меня в край, я его на ту сторону перетащил, да только теперь эта гадина в каждое зеркало бьётся! В общем, я не знаю, как от него избавиться, кому звонить, куда идти и так далее! Если ты знаешь контакты того, кто может отправить эту тварь обратно, я буду тебе очень и очень благодарен!!!

Настенька была в такой лютом шоке, что единственное, на что ей хватило сил, это упереться руками в грудь парня и попытаться отодвинуть его от себя, потому что за спиной была закрытая дверь. Взгляд растеряно метался между напуганным парнем и озверевшим отражением, но всё же ей хватило сил выжать из себя одной единственное слово:

– Как?

– Как помочь?

– Как? – дрожащий палец указал в сторону бьющегося в зеркало парня. – Как... Это... Произошло?

На эти слова Козелков лишь обессиленно опустил руки и

уоставился куда-то в сторону. В голове была каша, что сказать он не знал, а потому лишь вновь посмотрел на одноклассницу и показал ей книжонку. В серых глазах промелькнул гнев, но какой-то странный, в нём явно читалась фраза: «я сам идиот», и это было, в сущности, правдой.

– Тот день был одним из худших в моей жизни... Во всяком случае, я так думал. Мало того, что меня окунули башкой в сортир, а после отмудохали в переулке, я напоролся ещё и на какого-то отмороженного маргинала, который впалял мне эту книжонку. И знаешь, что меня во всей этой ситуации относительно не бесит?! То, что он дал мне её бесплатно!!!

– Зачем?

– Он сказал, что моя жизнь в круто изменится! О да!!! Мою жизнь вообще не узнать!!! Моя жизнь так изменилась, что это просто жуть! Я бы сказал, что в ней исполнились все мои мечты, но чёрт подери, если бы я...

Вдруг парень осёкся и завис. Завис секунд на двадцать, после чего глаза в ужасе расширились, он медленно выпрямился, сделал неуверенный шаг назад и уоставился куда-то в угол потолка. Казалось, что лютая каша в голове просто вылилась по стенкам и потолку комнаты и именно в этот момент весь этот сыр-бор начал стремительно складываться во что-то дикое, но понятное только ему.

Дрожащие руки медленно поднесли книгу к лицу, а чернеющие глаза уоставились в обложку, словно стремились про-

глядеть в ней дыру. Его трясло, он забыл, как дышать, башку отрубило и в этот момент он медленно, но, уверенно, направился к зеркалу. Там не было логики, он должен был увидеть в зеркале не своё отражение, а Его.

Ошалелые серые глаза с ужасом осознания и полной про-страцией смотрели на озверевшее отражение, которое перестало биться, а лишь скреблось в зеркало с той стороны. Он хотел рвать и метать, но что-то в этих глазах он видел. За пеленой гнева, за пеленой злобы и ненависти, он увидел то, чего не замечал всё это время, а в голове всплывали образы и фразы.

«Panem et circenses»: Хлеба и Зрелищ... Эта фраза, она так въелась в мозги, так свербит извилины почти год, но суть её он понял только сейчас.

«Даже рабы на рынке знали себе цену», «Толпа хочет Кро-ви – дай людям Крови», «Удача любит смелых»: все эти фра-зы начали складываться в одну картинку и Павел увидел Его – свой Идеал, которым мечтал быть всю жизнь, на которо-го мечтал ровняться, крутым сексуальным «альфа-самцом», которого хотели все девки в округе и боялись все отморозки. Таким был Максимус, но вовсе не это заставило ноги Павла подкоситься.

Он наконец увидел в этих озлобленных и бешенных гла-зах то, чего не хотел видеть, что считал несущественным. «Моё имя – Максимус», «Меня били по-разному», «Я каж-дый день боролся за своё существование». Павел смотрел в

обезумевшее отражение... И увидел Себя.

Он увидел Неудачника, раба без имени, жалкий сброд общества, проданного собственной матерью, жизнь которого измерялась тем, как сильно он понравится публике! У него не было ничего, даже Имени, даже за такую простую вещь ему приходилось развлекать публику, что рьяно жаждала крови, либо чужой, либо его собственной. Он был клоуном, козлом отпущения... И Павел был таким же.

Он был слабым и немощным, неуверенным в себе, а толпа хотела крови! Он не мог дать ей чужой, а потому она вытягивала все жилы из него. Павел и Максимус настолько разные, настолько далёкие друг от друга, но они две крайности одной и той же сущности! И единственное, чем они отличались... Козелков был рождён свободным.

Серые глаза потерянно опустились на книгу, а перед взором предстал образ маргинала в переулке: «Она сделает тебя тем, кто ты есть... Она мне больше не нужна».

В один момент в голове всё стихло настолько, что он не слышал бешенные потуги Максимуса разбить зеркало или взять контроль над ним. Грудную клетку словно отпустило и расслабило, густой воздух вмиг стал лёгким и свежим, а за спиной будто распахнулось два крыла. Медленно закрыв глаза, парень глубоко вдохнул, и видят боги, он никогда не был рабом, но в этот миг ему показалось, что с него сняли оковы с шипами. Он... Наконец-то... Свободен.

Простоял он так минуты полторы, может больше, может

меньше, но, когда он открыл глаза, он увидел лишь слегка растерянное лицо собственного отражения, и улыбнулся. Это не была улыбка злобы или гадства, она была спокойной и доброй, полной понимания и какого-то сочувствия. Ни сказав ни слова, подросток подошёл вплотную к зеркалу, смотрел на растерянного гладиатора минуту, улыбнулся шире и положил руку на зеркало. Сказать, что Максимус опешил – это промолчать, но, когда отражение повторило действие, не произошло совершенно ничего. Он как был за зеркалом, так и остался, и такого отчаяния и безысходности Павел не видел даже в собственном отражении.

– Я понял, как это работает. Чтобы затянуть на ту сторону, надо стать таким же. – тихо шепнул школьник и виновато посмотрел в зеркало. – *«Что в век сквозь тьму по свету ходит... Покой чьи души не находят... С той стороны, ища пути...»*: Ты так долго был сильным, так много сражался, но покой ты так и не нашёл... А я – да... Спасибо тебе за это.

И с этими словами Павел убрал руку с зеркала, слегка болезненно глядя на то, как в глазах отражения меркнет последний огонёк надежды, от чего оно забилося в беззвучном крике и начало остервенело долбить зеркало изнутри. Паранормальная активность длилась с пару секунд, вдруг Максимус рухнул на колени и просто завыл. Этого не может просто быть, вот он ещё утром имел возможность жить, а сейчас заперт в этом проклятом зазеркалье, без права на выход. Это не его тело, не его мир... Не его жизнь.

Думать ни о чём не хотелось, а потому Козелков только повернулся к забившейся в угол со страха девице и попытался виновато улыбнуться, но получилось криво. О чём он может с ней говорить? Что может сказать или предъявить? Ничего, а потому, одноклассник лишь молча закрыл окно, положил книгу в карман и направился прочь из комнаты. Хватит с него на сегодня подвигов, а значит пора уходить хотя бы для того, чтобы побереечь психику блондинки. Психику родителей он уже не спасёт, но за Настю поборется. Девушка лишь ошалело проводила парня взглядом и прижала к себе напуганного котёнка. Забирать он его не решился, пусть сперва слегка успокоится, а дальше они разберутся.

Вышел он из дома одноклассницы совершенно один, с книгой наперевес, на небе уже горели яркие звёзды, на улице не было ни души и впервые подросток не испытывал ни малейшего страха или чувства одиночества. Внутри так тихо, снаружи тоже, и от этого он лишь облегчённо улыбнулся и направился медленно бродить вдоль улиц.

Домой не хотелось, да и незачем, а вообще, он хотел уехать, не важно куда. К чёрту школу, к чёрту всё, единственное чего он хотел, это сесть и подумать в тишине, одному, ведь за этот год он так мало был один.

Это была лавочка где-то на окраине парка, в глуши и темноте которого сейчас не было никого. Он просто сел на неё и уставился в лесополосу, что чернела перед ним. Не сказать, что он был бравым воином, просто сейчас ему было действи-

тельно всё равно. Он потерял всё: возможность вернуться домой, единственную подругу, казалось, что он упал в пропасть небытия, и в этот миг у него распахнулись крылья.

Он вспомнил самые тёплые моменты из жизни: в первом классе Настя предложила сесть им за одну парту, в четвёртом – он гулял с отцом в парке аттракционов, мамин пирог и... Маргинал в переулке.

«Она мне больше не нужна»: эти слова раз за разом повторялись в голове, и почему-то от них становилось спокойнее на душе. Сталь куётся в огне, тут не поспоришь, есть цепи, которые снять может только мы сами.

Сидел он в парке часов до двух ночи, спать не хотелось, да и холодно было, а потому решил он твёрдо, что утром зайдёт домой только за вещами. Восемнадцать ему стукнуло месяца назад, так что терять ему больше нечего. Экзамены? Вот сейчас последнее, о чём думал парень, это какие-то там бумажки в будущем. Ему было всё равно, и единственное о чём он жалел, что не попросается с Настей. Наверное, так будет правильно.

Телефонный звонок раздался, как всегда, не кстати, от чего Козелков решил просто проигнорировать вызов. Ну не будет нормальный человек звонить в половину третьего ночи, однако на третий звонок Пашеньке это надоело, и он достал средство связи.

Надо признать, внутри неприятно защемило, когда на экране высветился контакт «Анастасия». Не сказать, что он

пря́м в край опешил, но почему его подру́га звонит ему в по́ловину тре́тьего но́чи, ещё и после случивше́гося? Не без раздумий подро́сток подня́л тру́бку и уже собрался загово́рить, как вдруг на прово́де разда́лся лю́тый крик подру́ги. Она кричала не своим го́лосом, разобрать было́ невозможно́, но стоило шко́льнику оцепенеть с услы́шанного, как в тру́бку разда́лся уже дру́гой, более гру́бый мужской го́лос:

– Ну что, донжуан, добега́лся? Думал я не придума́ю, как тебя вы́тащить? А тепе́рь слуша́й сюда́, потаскун. Ты мне за сестру отве́тишь, поэ́тому жду́ тебя у церкву́шки твое́й нена́глядной подру́жки че́рез час. Не дай бо́же приде́шь не один, твоя́ белё́сая подру́жка пойдёт на «гума́нитарную мисси́ю» нашего дру́жного ко́ллектива. Ты меня́ поня́л. У тебя́ час.

На э́том звонок прерва́лся, а последние оста́тки сна улету́чили́сь на раз. Он пы́тался пере́звонить, но телефо́н отклю́чили, а прокля́тые секун́ды нача́ли уве́ренно тя́нутся к зло́счастной отме́тке. До назна́ченного ме́ста отсю́да око́ло со́рока мину́т пешко́м, вызва́ть поли́цию он испуга́лся, что де́лать – не зна́л. В том, что э́ти ребя́тки не бле́фуют, сомне́ний не бы́ло, но что ему́ де́лать?!

У него́ нет, ни дру́зей, ни провере́нных време́нем ребя́т, ни роди́телей, кото́рые в лу́чшем случа́е просто́ не пу́стят его́ на поро́г, а могу́т и в ду́рку запря́чь. Позвони́ть роди́телям Насти́ то́же не ва́риант. Даже́ если́ они́ поды́мут тру́бку, поли́ция бана́льно́ не успе́ет подье́хать. Ну́ должен же́ бы́ть хо́ть один че́ловек, кото́рый мо́жет ему́ помо́чь!!!

В этот момент Павлу показалось, что он сошёл с ума, но отчаянные времена требуют отчаянных мер. Не теряя ни одной лишней секунды, школьник сорвался с места и кинулся в сторону ближайшей улицы. В такое время все магазины закрыты, рекламные щиты выключены, но Козелкову это было только на руку.

Тёмные щиты отражали фонарный свет, а вместе с ним и всё, что было на улице, включая взмыленного парня, чьё отражение потерянно и неохотно следовало за ним. Ему было не до шуток, он уверенно искал подходящую зеркальную поверхность, пока не наткнулся на потрёпанную временем и жизнью сторожевую будку. Её двери и окна были заколочены, однако одно недобитое окошко всё же сохранилось, и из него на парня глядело недовольное отражение. Даже не думая церемониться, подросток голыми руками начал отдиравать доски, благо силы позволяли. Освободив от оков недобитое стекло, Паша взглянул в отрешённые глаза бывалого гладиатора, после чего выпалил на раз:

– Та девка, которую скорая откачивалась, наглоталась таблеток из-за тебя! Из-за тебя эти твари сейчас схватили Настю и, чёрт знает, что с ней будут делать, если я не приду! – наверное он взывал к совести, но взгляд Максимуса остался неизменен. Ему было плевать на Настю так же, как и на ту недо-самоубийцу, а потому Павлу пришлось искать другой рычаг давления. – Ты – самая мерзкая и низкая тварь, которую я видел в своей жизни. Я не знаю, зачем ты так рья-

но жаждешь жить, если тебе абсолютно фиолетово на всё и всех, кто и что тебя окружает. Я не знаю, и мне всё равно, но, если оно тебе так надо... – тут Павел положил руку на стекло, под ошалелый взгляд в отражении. Подросток смотрел твёрдо и уверенно, хоть ему было и страшно, но идти он намеривался явно до конца. – Если ты так хочешь жить в этом теле... Забирай. Я отдам тебе его, я уйду на ту сторону, я уйду на любую сторону... Только спаси её. Спаси Настю и делай всё, что тебе заблагорассудится! Мне не нужно, чтобы она об этом знала, мне не нужно, чтобы об этом знал кто-то ещё, я просто хочу, чтобы ты её спас. Считай это моей последней волей, выполни её и делай всё, что взбредёт в твою больную голову!

Максимус не торопился касаться зеркала с той стороны. Подозрительно сощурившись, взгляд гладиатора прошёлся от головы до пят, после чего его лицо сгладилось, не выражая ни единой эмоции, как вдруг рука резко коснулась ладони парня, а стекло разлетелось вдребезги. Поскольку на улице стояла глубокая ночь, никто не поднял паники, а сам вандал, лениво отряхивая с себя осколки, неспешно вынырнул на уже знакомую улочку. Свет от фонарей неприятно слепил глаза, пока подросток неспешной походкой направился лишь в ему одному известном направлении.

– Ох, Пашенька. – даже с какой-то жалостью выдохнул звезда школы, с призрением оглядываясь по сторонам. – Вот любишь ты всяким отмороженным и сомнительным лично-

стям доверять... Судя по всему, сегодня это погубит не только тебя.

И с этими словами, почти пританцовывая в такт слышимой только ему одному музыке, Максимус неспешно брёл по ночному бульвару, пока до назначенного времени оставалось всего пол часа.

Покойся с миром

Она плакала тихо, слёзы молча катились по щекам, сидя в каком-то маленьком помещении, и она боялась даже пискнуть. Настя не знала этих людей, они пришли к ней почти сразу, после того как ушёл Павлик, наверное, думали, что она ему дорога. Не для кого этого не было секретом, что Козелков неровно дышал к этой девчонке, но это было пока он не сошёл с ума, или чёрт знает, кого он там призвал.

В отличии от ученицы средней школы, компания маргиналов испытывала куда меньше тревоги и даже какого-то предвкушения, но где-то внутри признавали, что девчонку просто так пощупать не удастся.

Лекс был не из тех, кто бросал слова на ветер, и уважали его за то, что он всегда отвечал за базар. Этот мужик славился очень суровым нравом, но пустой бойни не любил, особенно с посторонними людьми. Он прекрасно знал, что Анастасия не имеет никакого отношения к случившемуся с его сестрой, но просто так спустить то, что родственницу едва не вынесли ногами вперёд, этот мужик не мог. Он был готов нести ответственность за похищение и угрозы, но этого гада он сегодня достанет любыми методами и мало ему не покажется!

И вот, долгожданные часики, сначала пробили нужное

время, а после десять минут вперёд. У Лекса внутри неприятно потянуло, но ещё неприятнее потянуло у Настеньки, которая вдруг стала ловить на себе неоднозначные взгляды. Паша не мог её бросить, а вот на счёт его Отражения она была не уверена.

– Он не придёт. – ехидно выдал один из прихвостней. – Ну что делать будем, Лекс?

Парень ничего не ответил, а лишь вновь набрал проклятого донжуана и стиснул зубы. Трубку не брали довольно долго, но где-то после восьмого гудка, на том конце послышался задорный и довольный голос:

– У аппарата!

– Ты где?

– Я лежу. – довольно выдал Козелков, по голосу которого можно было прям увидеть эту гаденькую улыбочку от уха до уха. – И тебе, кстати, тоже советую. Время недетское, да и режим сна – залог здоровья. А ты зачем спросил?

– Ты явно не дорожишь этой девкой.

– Баба ценность представляет исключительно до первого применения, а после это уже предмет общего пользования. Твоя сеструха – не исключение.

– Я тебя услышал. Ну что ж, это был твой выбор.

– Да, Лекс, бабы часто несут ответственность за не самые умные решения мужиков... Особенно родственников.

И даже не столько слова, сколько эта интонация заставила местного братка на миг задуматься, а после прислушаться.

Он не заметил этого раньше, но лишь сейчас, в наступившей тишине, он услышал, как на заднем фоне телефонного звонка что-то монотонно плачет. Сначала он даже не понял, что это за звук... А потом как понял...

– Ты где?! – надрывный голос предательски надломился, а на вечно спокойном лице промелькнул неподдельный страх.

– Лекс, а ты знаешь, что такое Феназепам? Это такое рецептурное снотворное, очень крутое. Тут написано, что смертельная доза двадцать миллиграмм за раз, или сорок в сутки. Ты знаешь, я не силён в математике, но нашёл их в палате целую коробку.

– Если ты сейчас...

– Лекс. – томный голос парня раздался в трубку с таким придыханием, что мужчине показалось, оно обожгло ему лицо. – Ты со мной хочешь в «милосердного бога» поиграть? Поверь, ты выбрал очень плохого противника. Твоя сестра была душой, которая напридумывала себе кучу всего, а после на меня повесила всю ответственность. Мне наплевать, какие у вас там устои семейства и прочая лабуда, но я тебе клянусь, что, если сейчас с головы моей Настеньки упадёт хотя бы один волос... Я вколю твоей сестре всё, что находится в этой больнице. И заметь, это ты решил привязать в это дело людей, никак с ним не связанных. Ну что ж, я принимаю твои правила.

– Паша. – вот такого поворота Лекс точно не ожидал и что-то ему подсказывало, что этот упырь не блефует. – Так,

давай мы сейчас всё тихо и мирно...

– Тихо и мирно было до того, как мне позвонила напуганная Настенька, а теперь будет так, как я скажу. Ты сейчас берёшь эту гордость школы, целуешь в лобик, накидываешь на эту мерзлячку свою курточку, сажаешь на переднее сидение своей тачки, и вы едите в больницу. По дороге ты заезжаешь на заправку, покупаешь ей конфетку, а мне – бутер и кофеёк, и не приведите боги хоть что-то в этом замечательном алгоритме не соответствует моим ожиданиям. У тебя час.

На этом звонок отключился, а любящий брат едва не осел на пол. Вот это действительно последнее, чего он ожидал, но проверять на выдержку этого отморозка он не собирался, а потому велел всем тут же лететь в сторону больницы. Настя боялась так, как никогда, телефон от неё отняли, а состояние главаря этих отморозков её пугало даже больше её собственного.

Лекса трясло. Если этот маньяк действительно в больнице в палате его сестры, даже если у него нет этого снотворного, то чёрт его знает, что он может с ней сделать! Вот это был реальный просчёт, он так был уверен, что этот псих либо спасует, либо кинется во все тяжкие, что даже не подумал о том, что у него самого есть люди, которых он не защитил.

А пока мужчина гнал через весь город, Павлик вальяжно ходил по палате, где лежала несостоявшаяся самоубийца. Глядя на горы трубок и ампулу Феназепама, Максимус не мучался совестью, а лишь тоскливо смерил девушку весьма

жалким взглядом. Ну вот зачем весь этот сыр-бор? Сразу же сказал, ничего не обещал, прямо заявил: аренда на ночь. На что надеялась?

– Малыш. – тоскливо выдал парень, глядя на девицу в коме. – Твой браток обижает девчонку одного неудачника. Ты бы следила за ним, а то глядишь, реально сдохнуть получится.

Он не ждал ответа, а лишь подошёл к зеркалу и уставился в отражение. Не соврал, Максимус видел себя, Павел ушёл, но что-то на душе было не так. У него впереди ещё вся жизнь, которая ему не принадлежит, но которую ему просто подарили, если он выполнит последнюю волю... Он её выполнит.

До клиники, где лежала его сестра, ехать было не меньше пятидесяти минут, а потому ни о каких бутерах и конфетах речи быть не могло. Гнали на красный, не сшибли никого только из-за пустых улиц, каждая секунда была на счету, и вот, когда несколько внедорожников только въехало во двор клиники, раздались мигалки и серены.

Полиция стояла со всех сторон, эта была облава по наводке, с информацией, что в машине заложник, а бежать было некуда. Копы отрезали путь с главного входа, на объездном уже стояли, и в этот момент Лекс понял, что где-то его братские чувства сыграли не туда.

Медленно потянув руку к пассажирскому сидению, мужчина отстегнул ремень блондинки рядом и тихо выдохнул:

– Выходи из машины. Только медленно. Прямо сейчас.

Настенька проверять выдержку этих ребят не стала, а потому дрожащие ручки осторожно открыли дверь, а полиция тут же вскинула пистолеты. Выходила блондинка на ватных ногах под дулами десятков пистолетов, сердце колотилось, слёзы капали из глаз, но она медленно шла от машины в сторону полиции. Лекс же закусил губу и как-то гаденько усмехнулся:

– Ладно, я признаю... Это было неплохо.

– Ну и что теперь делать? – раздался голос одного из ребят сзади.

– Хороший вопрос. – Лекс лишь вздёрнул бровь и оскалится шире. – Сейчас проверим.

И с этими словами, водитель с пробуксовкой поехал вперёд, тараня полицейские машины. Изрядно побив корпус, парень снёс ещё несколько автомобилей, после чего развернулся и вжал педаль в пол. Проехать через ворота не вариант, но можно снести ограждение, а дальше по газону. Времени думать не было, а место для манёвра ещё меньше, а потому Лекс вывернул руль и лишь в последний момент заметил замешкавшуюся школьницу прямо на пути. Вместо того, чтобы дать дёру, она оцепенела от страха, и сейчас смотрела, как огромный внедорожник летит прямо на неё. Водитель бы не успел, даже если бы захотел, перед карими глазами пронеслась вся жизнь, сердце замерло, время остановилось и всё, что почувствовала Настенька – как чья-то грубая ладонь со

всей дури ударила её в спину и толкнула в сторону. Это была секунда, где в свете фар она разглядела лишь блеск потухших серых глаз и полную спокойствия улыбку на таком родном лице.

Он сдержал обещание.

Солнце ударило по закрытым глазам, от чего Павел поморщился и широко их распахнул. Небо. Огромное голубое небо, без единого облака и солнце в зените, которое светило, но почему-то не грело. Он лежал так минуты две пытаюсь просто понять, где он находится, после чего медленно попытался подняться и обомлел в край.

Он лежал посреди пустыни, бескрайний горизонт уходил далеко-далеко, ни ветра, ни птиц, ничего, а прямо перед ним была стена и ворота. Они были толи из камня, толи из глины, в высоту не меньше тридцати метров... И тишина.

– Что это? – только и смог выдохнуть Павел, не в силах даже встать на ноги.

– Город Дит. – усталый мужской голос раздался со стороны, от чего подросток вздрогнул и резко повернулся.

Сказать по правде, он даже не понял, что видит. Перед ним стоял довольно молодой парень, лет двадцати пяти, может чуть старше. Чёрные, слегка отросшие волосы слиплись от жира и пота, карие глаза смотрели куда-то вдаль пустыни, отрешённое лицо украшали несколько заметных шрамов, но кидалось в глаза не это. Он был одет в лёгкий доспех эпо-

хи Древнего Рима, на ногах были затёртые до дыр сандали, а сам парень немного грустно улыбался. Казалось ему было всё равно, но всё же голову в сторону школьника он повернул. Павел же смотрел в совершенно незнакомое ему лицо, но рассудок точно знал, кто перед ним стоит.

– Максимум?

Гладиатор улыбнулся чуть шире и протянул другу руку, дабы помочь подняться.

– Да. Так я выглядел в последний день своей жизни.

Не понравились Козелкову эти слова, но руку он принял и поднялся на ноги:

– Где мы?

– Когда-то я думал, что это Ад. – усмехнулся гладиатор и вновь уставился в сторону горизонта. – Но мне кажется, что это чистилище.

Взгляд серых глаз слегка припустился к земле, а подросток отрешённо глянул по сторонам:

– Я умер?

– Зависит только от тебя.

– В смысле?

– На той стороне тебя очень сильно хотят откачать. Возможно, у них это даже получится, но... Это зависит только от тебя. Увидишь огни – вернёшься.

– Какие ещё огни?

– Хм. – Максимум лишь крепко пожал плечо парня. – Увидишь – не перепутаешь.

Он смотрел на гладиатора, пытаясь взглянуть в каждый миллиметр его лица. Он словно что-то искал, и, решив не тратить больше времени, выдал:

– Зачем ты это сделал?

– Что именно?

– Умер.

– Я умер очень давно, Павел. Настолько давно, что ты себе даже не представляешь.

– И всё же.

Максимус убрал руку с плеча и отвёл грустный взгляд куда-то в сторону уходящего горизонта. Наверное, он хотел собрать тысячу лет воспоминаний в одну кучу, но именно в этот момент в голове ничего не осталось:

– Когда я жил, мне пророчили адские муки. Я ожидал увидеть в царстве Аида тысячи грешных душ и всепожирающее пламя. Мне казалось, что хуже этого быть ничего не может... Я ошибся. После смерти я не увидел адских псов, мук грешников и прочего. Я ничего не увидел. Совершенно пустой и безликий город, в котором никого нет. Я думал, я тут один, а нас тут – тысячи. Тысячи душ ходят бок о бок друг с другом, но не видят никого. Иногда мы натываемся на тех, кого нам посчастливится «увидеть», и каждый из них несёт в себе что-то, что должно нас успокоить. И только тогда, когда душа очищается, она может уйти.

– Куда?

– Я не знаю. – Максимус указал куда-то в сторону, и Павел

увидел неспешно бредущую фигуру, что шла прямо в пустыню медленным, но очень уверенным шагом. – Они говорят об «Огнях». Когда душа находит покой, она видит «Огонь» на горизонте. Это значит, что она может уйти. Если просто пойти к горизонту, ты упрёшься в ворота Дита, этот мир не так велик, как ты думаешь, и все дороги ведут в Дит... Кроме «Огней». – гладиатор медленно повернулся к школьнику лицом и как-то несвойственно тоскливо улыбнулся. – За больше, чем тысячу лет, единственный огонь, который я видел, Павел... Это – ты. Ты вытащил меня из этого чистилища, и я думал, что у меня есть шанс начать жизнь сначала, прожить её заново.

– Почему ты спас её?

– Потому что я не бессмертен. – и столько боли было в этих словах, но и какого-то смирения на пару с облегчением. Так говорят те, кто согласился на добровольную эвтаназию. – Я всегда... Больше всего на свете... Боялся умереть. Я боялся умереть так сильно, что даже после смерти я не смог с этим смириться. Я так хотел жить, я вгрызался в каждый миг, в каждый день зубами, боролся. Я делал это так долго и рьяно... Что забыл, зачем. Ты был таким слабым, таким ничтожным, мне казалось, что такие, как ты, тупо не способны дожить до зрелости. Ты ничего из себя не представлял, а потом ты спас того уroda во дворе школы. Ты вышел на арену против меня, и в твоих глазах была уверенность. Я заужал тебя в тот момент, но ты так же не представлял для

меня ничего, кроме забавной зверюшки. Ты ничего не мог мне сделать, а потом расшиб мне голову о стену и сказал, что убьёшь нас обоих. И именно в этот момент я понял... Насколько я беспомощен перед тобой. Ты мог убить меня, а я бы ничего не смог с этим сделать. Ты заставил меня дрожать от ужаса, ощутить дыхание смерти у себя на шее, а после смог затянуть обратно на ту сторону. И вот, ты запер меня, одолел, стал сильнее, у тебя было всё! Слава, молва, шикарное тело, возможности, ты мог просто сесть и уехать, перед тобой все дороги открыты... Но ты вернулся ко мне... Ради бабы, которой не нужен. – Максимус по-братски хлопнул Павла по плечу и тихо хихикнул. – Видят боги, я подумал, ты – дурак... Но ты не дурак. Ты сделал то, на что я никогда бы не решился: отдать жизнь, чтобы умереть человеком. Я не хотел умирать, ни зверем, ни кем бы то ни было другим, но когда ты сказал, что не знаешь, зачем мне эта жизнь, я понял... Что я тоже не знаю. Я так долго боролся за своё существование, что забыл, зачем это делаю.

Павел молчал, глядя в потухшие чёрные глаза, пытаюсь игнорировать ком в горле, а гладиатор лишь убрал руку и с улыбкой посмотрел на горизонт. Козелков не знал, ни что думать, ни что делать, а потому посмотрел туда, куда так упорно глядел Максимус и тяжело вздохнул:

– Это конец?

– Это начало. – почти с любовью выдохнул бравый воин и прикрыл глаза.

– Какое ещё начало?

– Твоей новой жизни... И моей тоже.

– Не понимаю!

– Ты пойдёшь в Дит, а я – вон туда.

– Зачем?

– Я вижу «Огни», которые ждал почти две тысячи лет. – ещё никогда прежде взгляд Максимуса не был таким добрым и спокойным. – Все люди, которых мы встречаем в Дите, должны очистить нашу душу. Почти две тысячи лет я ждал то, что ты сделал меньше чем за год. А теперь мне пора... И тебе тоже.

С этими словами бравый гладиатор направился в сторону горизонта, а Павел ошалел так, что кинулся вдогонку секунд через десять.

– погоди! – кричал школьник, только и успев схватить воина за могучую руку. – Ты что, прям так и уйдёшь?!

– Все мы уйдём, Павел.

– А куда приведёт эта дорога?!

– Тебя она приведёт в Дит, а меня туда, куда уходят все упокоенные души.

– А это... Можно я с тобой пройду?

Максимус остановился, снисходительно поглядел на школьника и широко улыбнулся.

– Конечно.

Надо признать, Козелков вцепился в эту могучую руку, боясь, что она куда-то денется и шёл, словно мог провалиться-

ся под землю в любой момент. Гладиатор же спокойно брёл в сторону видимых только ему ориентиров, тихо усмехаясь реакции юнца.

– Максимус. – осторожно позвал школьник. – А что мне теперь делать?

– Жить, Павел, просто жить, без оков и цепей. Свободным. У тебя для этого теперь есть всё.

– Максимус. – голос слегка дрогнул. – Я наговорил тебе целую кучу всего, но я хочу, чтобы ты знал... Ты – лучшее, что случилось в моей жизни. Ты научил меня быть сильным.

– А ты научил меня быть человеком. – тихо вымолвил воин и искоса глянул на мальчишку. – Спасибо тебе за это.

– Ты не понимаешь. Ты вытащил меня из семнадцати лет Ада.

– А ты вытащил меня из полутора тысяч лет чистилища.

Говорят, что каждый человек в нашей жизни перевозносит нам то, что нам необходимо. Именно поэтому очень часто она сводит нас с теми, кто жесток к нам и не разделяет наших взглядов. Вот и сейчас две совершенно разные, но такие похожие души стояли друг напротив друга и пытались понять, по воле случая так всё сложилось, аль быть может всё предрешено.

Решив не дожидаться ответов, Максимус продолжил свой путь к невидимым «Огням», а Павел лишь отрешённо брёл рядом. В голове крутилось столько мыслей, столько гадостей было сказано, надумано, угроз брошено, и только сейчас, ко-

гда времени нет, приходит осознание всего. Сталь куётся в огне.

На горизонте стало виднеться какое-то марево, что заставило Павлика вскинуть голову и взглядеться вдаль. Туман рассеивался быстро, но стоило картинке стать чётче, как он просто не поверил своим глазам. Он стоял у тех же самых ворот, напротив которых проснулся, и были они в каких-то нескольких метрах от него. Такие игры зрения были в новинку, от чего подросток охнул и восхищённо усмехнулся:

– Ничего себе! Точно в Дит вернулись! Скажи, а тут есть...

Голос пропал на пару с мыслями, для которых он был нужен, стоило школьнику повернуть голову. Он стоял у ворот Дита, крепко сжимая пальцы в кулак, в которых только что была рука Максимуса. Отрешённо и потерянно Козелков начал озираться по сторонам, после чего посмотрел на пальцы, а в груди что-то защемило. К горлу подкатил ком, глаза защищало, но вместо привычных слёз, молодой мужчина лишь высоко поднял голову, взглядываясь в горизонт, с пару секунд молчал, глубоко вдохнул и благодарно улыбнулся:

– Прощай, Максимус. Я никогда не забуду твоего имени... Покойся с миром.

И в этот момент Павлу показалось, что всё в этом мире и этой жизни – лишь мирская суета. Одна душа нашла покой в мире мёртвых, а второй только предстояло найти его в мире живых.

Отвернувшись от пустыни, Козелков глянул в ворота города и как-то неуверенно пошёл вперёд. Он не знал, что ищет и куда идёт, но, как и сказал гладиатор, перепутать это было сложно. Это не было каким-то огромным маяком, это даже не был фонарик, а больше напоминало блеск от стекла, что привлекало к себе внимание. Павел даже не понял, что это, а потому направился, чтобы разглядеть, как вдруг почувствовал острую боль в груди и ногах. Хотелось рухнуть, но почему-то перед глазами возник образ бравого воина и слова, что всё зависит только от него.

Превозмогая боль и усталость, подросток шёл к блеску, жажда завывать в голос, но тот пропал. Боль отозвалась в ногах и спине, но он шёл, сам не зная, почему не потерял сознание. Ему было страшно, блеск начал меркнуть, слышался какой-то шёпот и, как ему показалось, голос Насти. Надо встать. Встать, чего бы это не стоило! Он поднялся на ноги, чувствуя, как кости рассыпаются в коленях и когда всё в глазах расплылось в одно марево, его что-то рьяно ударило в грудь, а переломанные рёбра жадно втянули морозный утренний воздух.

– Живой! – закричал мужчина в маске и робе медика. – Грузим срочно!

Павел лежал на холодном асфальте, глядя в алеющее неба, на котором медленно появлялось утреннее зарево. Всё тело болело так, что он не мог даже пошевелиться, медики суетились, полиция кричала что-то про то, что внедорожник вы-

нес ограждение и скрылся, Настенька просто кричала, а Козелков вдруг понял, что это самое доброе утро в его самой поганой жизни, из-за чего лёгкая улыбка растянулась по лицу.

– А ты крепкий! – восхитился медбрат. – По тебе проехался внедорожник, а у тебя пара переломов и сотрясение! Улыбаешься из-за того, что стукнуло?!

– Нет. – чуть слышно шепнул парень. – Я счастлив.

– Что жив остался?

Школьник отрешённо прикрыл глаза и улыбнулся шире:

– Что у моего друга, наконец, всё хорошо.

Середина лета ознаменовала не только получение дипломов, но и то, что учебное заведение, наконец, осталось в прошлом. Народ радовался и смеялся, все хотели праздника и насладиться последними деньками молодости, прежде чем им придётся стать частью суровой взрослой жизни. Кто-то кутил, кто-то хвастался оценками, а кого-то освободили от экзаменов.

Переломы зажили быстро, сотрясение прошло без осложнений, но до экзаменов Павла решили не допускать, а то мало ли что. Он провалялся в больничке до самого мая, а когда вышел, плану его были гораздо радикальнее, чем могли только подумать.

Получив соответствующие документы, выпускник собирал чемодан с вещами. Вещей у него было немного, хотя

родители предлагали помочь материально, но он отказался. Марина и Артём тоскливо наблюдали, как родное чадо собирает чемодан. Говорить не хотелось, да и не о чём, но было видно, что главе семейства неприятно на это смотреть. Павел же был твёрд, как скала, а потому вышел из комнаты уверенно глядя в глаза своим предкам.

– И куда ты теперь? – мать силилась сдержать эмоции.

– Думаю, в столицу, а дальше посмотрю.

– Может останешься? – робко предложил отец. – В конце концов, отдельно жить можно и недалеко друг от друга.

– Нет.

Артём болезненно закусил губу и немного виновато посмотрел на свой чадо:

– Я бы хотел...

– Папа. – перебил сын. – Я всё решил.

Тут Артём как-то болезненно усмехнулся и утвердительно кивнул:

– Ты всегда можешь вернуться.

– Я знаю. Я пойду.

Сухо попрощавшись с родителями, парень вышел из дома с чемоданом и направился в сторону вокзала. Уехать и начать новую жизнь, вот чего хотел Павел. Развод родителей теперь его не касался, как и то, что они будут делать дальше, хотя, после случившегося, они как-то сблизились. Так или иначе, у него теперь были свои заботы, которые он начнёт воплощать сразу, как приедет на место. В этом городе он

попортил слишком много крови людям, да и люди ответили ему тем же, а потому, лучшее, что он мог сделать, это сгинуть из него навсегда, и как же от этого было легко на душе.

– Паша! – голос Насти заставил парня повернулся и улыбнулся бывшей однокласснице. Вид у неё был взволнованный, она так до конца и не поняла, что случилось, а то, что поняла, надо было ещё раз восемь переварить. – Так это правда, что ты уезжаешь?

– Да. Как Феликс?

– Прижился. Лопает рыбу, только за ушами трещит... Ты сюда больше не вернёшься?

– А надо?

– Ну... Мне бы хотелось.

Павел молчал с пару секунд, немного грустно улыбнулся, подошёл к подруге и поцеловал её в губы. Так мягко, нежно, словно украдкой, и пусть она не сопротивлялась, он не рискнул растягивать процесс. Не надо всё усложнять, когда и так всё через одно место.

– Я уезжаю в Москву. Попытаюсь там прижиться, и, если получится, может приеду сюда.

– Это нескоро, правда ведь?

– Очень нескоро. – тут парень тихо выдал. – Ты можешь приехать ко мне в любой момент... Если хочешь.

– Я думаю... Нескоро получится.

– Жаль... Ну что... Я пойду?

И не дожидаясь ответа, теперь уже выпускник покати

свой чемоданчик дальше вдоль улицы в сторону вокзала. Впереди у него ещё много свершений и новая жизнь. Однако стоило Козелкову отойти на пару метров...

– Паша! – окликнула блондинка и робко улыбнулась. – Я обязательно к тебе приеду, как ты обживёшься. Мне же нужно будет вернуть тебе Феликса! Надеюсь, ты не поменяешь номер телефона!

И тут парень широко улыбнулся и громогласно выдал:

– Я сохраню его исключительно для тебя, а всех остальных – забаню!

– Договорились!

И на этом выпускник укатил в закат, оставив Настю одну посреди улицы. С пару минут она стояла с счастливой улыбкой на лице, но стоило чемоданчику скрыться за углом, как по счастливому лицу покатались слёзы, а улыбка стала таять.

– Я буду скучать по тебе, Павлик.

Он не слышал этих слов, но чуял их всем нутром и от этого становилось легче идти на вокзал. Кто знает, может ему повезёт, и он вернётся сюда, а быть может не доедет даже до Москвы. Он больше не загадывал, потому что никогда прежде не был так счастлив. Теперь он кузнец своего счастья.

Десять лет

Время бежит так быстро, что за ним не угнаться, а за крохотными малявками, что удирают от тебя, когда хочешь поменять памперс так точно! Несчастливая Настенька пыталась в очередной раз угнаться за маленьким недоразумением, но шустрый сын удирал не глядя, в чём мать родила, точно зная, как её это раздражает!

– Максим! – бесновалась блондинка, в очередной раз поймав шустрое чадо. – Ну куда ты опять бежал?! Ни на секунду нельзя отвернуться!

За всем этим буйством с любовью и издёвкой наблюдал глава семейства, пока на шее сидела любящая и любимая дочурка лет четырёх, внаглую вцепившись в волосы папы. Надя просто обожала это делать, а Павел был и не против, лишь бы любимая супруга почаще ползала на карачках пытаясь догнать их сынишку.

– Я так погляжу, у тебя весело. – съязвил Козелков, ловя сына в дверном проёме. – Держи этого засранца, мы ждём тебя в машине.

– Весь в тебя. – недовольно выдала Настя, целуя мужа в губы и забирая у него шустрого ребёнка. – Как рванёт без штанов и обеда, только поспевай догонять.

– Ты у меня самая заботливая. Мы тебя ждём.

И с этими словами Павел перехватил дочку поудобнее, направляясь в сторону машины. Ну вот кто бы мог подумать ещё десять лет назад, что у приезжего школьника будет своя собственная квартира, такая красивая жена и двое детей? Да, оказалось, что у Паши нехилая хватка и уйма козырей, о которых он даже не знал, и пусть особо сильно они не разбогатели, а позволить себе свой собственный уголок и заработок смогли. Настя и не думала, что, когда через пару лет поедет отдавать бывшему однокласснику его котёнка, так и останется вместе с ним, ещё и детей наклепает. Воистину, жизнь полна сюрпризов.

В тот день была просто замечательная погода. Светило солнце, было тепло, ну просто грех не сунуться на пляж, чем семья Козелковых и занялась. За такую радость в детских глазах Павел был готов на всё, а потому с любовью наслаждался зрелищем.

Народу было не очень много, что было странно, но на руку. Всё было видно, не было толкотни, но вскоре жара дала о себе знать и дочь потребовала мороженого. Павел не возражал, Настюша тоже, а потому глава семейства, собрав тучу заказов, направился в ларёк. Тут народу было больше, усугублялось всё тем, что в метрах пятнадцати была стоянка, на которой припарковались местные байкеры. Павел бы даже не посмотрел в ту сторону, если бы дочка не указала на «самый красивый и блестящий»! Чем бы дитя не тешилось, пусть посмотрит на байки, да и любящему родителю нрави-

лись эти железные монстры. Хозяева у этих «скакунов» были под стать им, но подобный стиль мужчина не ценил. А потому, промелькнув беглым взглядом по ребятам, что вывели «коней» погулять...

Звуки померкли, а сердце пропустило удар. Павел на пару секунд выпал из реальности и до рези в глазах начал вглядываться в байк, на котором сидела уже немолодая, но очень хорошо сохранившаяся женщина с короткими волосами. На багажнике сидел ребёнок лет десяти, а впереди, крепко держа за руль со стороны колеса, явно объясняя на что жать, стоял тот, которого Павел не видел даже в кошмарах.

У него не было никаких особых примет, но этот маргинальный стиль прошёл сквозь года, даже не думая меняться. Он точно сказал что-то похабное своей пассии, потому что она его легонько стукнула, а после недолгих возмущений, перетянулась через руль и поцеловала в губы. Просто семья байкеров, что вылезла на пляж... Тогда почему Павлу так тяжело стоять на ногах?

Оторвавшись от своей дамы, мужчина повернул голову в сторону ларька с мороженым и увидел молодого отца, что смотрел на него открыв рот, едва ли не до рези в глазах. Честно, байкер сначала подумал, что у мужика не всё в порядке с головой, а потом пригляделся, и оцепенел под стать Козелкову. Он узнал его не без труда, глядел, как на какое-то чудо секунд двадцать, после чего лишь восхищённо оскалился, и высоко поднял большой палец вверх.

В этот момент Павлу показалось, что земля сейчас уйдёт из-под ног, он хотел кинуться к этому человеку и вытрясти из него всё, что только можно, но вместо этого, он лишь благодарно улыбнулся, отдал мороженное дочке и так же поднял палец вверх. К чему слова, к чему расспросы, когда всё сложилось лучше, чем могло?

Байкер помахал молодому отцу и вернулся к инструктажу по вождению, а Козелков лишь облегчённо вздохнул и повёл дочь к их лежакам.

– Папа, а кто это? – поинтересовалась девочка.

– Это. – чуть слышно выдохнул мужчина, обращая взор к небу. – Это человек, который подарил мне одну книжку... И изменил всю мою жизнь.

Ответ ничего не дал ребёнку, но она очень быстро переключилась на что-то другое. Павел же отнёс супруге её рожок и сторговался на законный стаканчик пива. Супруга лишь покачала головой, но согласилась стать водителем, а Козелков отправился за заветным спиртным.

Внутри было так тепло и спокойно, что, подойдя к ларьку с алкоголем, ответственный семьянин даже не сразу заметил возле него побитого паренька. Ему было на вид лет семнадцать, но стакан пива говорил о том, что он вполне совершеннолетний. Щупленький, хиленький, некрасивый и чем-то явно огорчённый, что заставило молодого отца подсесть рядом и заказать себе пивасик.

– Что такие грустные в такой хороший день? – поинтере-

совался Козелков.

– А чего радоваться? – отрешённо выдал подросток. – Жизнь – боль, а после – смерть.

– Ну, тут вопрос вероисповедания. – съязвил Павел, но не встретив инициативы со стороны мальчишки лишь озадаченно покачал головой. – Тебя как звать?

– Роман

– Что такой «неромантический», Роман?

– Ты когда-нибудь терял всё на свете

– Сегодня? Ещё нет. А что?

– Да вся жизнь через одно место. На бюджет не поступил, отчим выгнал из дома, мать послала на пару с ним, девушке так и вовсе только контрольные были нужны. Заколебало.

– Как мне это знакомо. – Павел отпил пива, гаденько оскаллился, закинул парню руку на шею и самодовольно выдал. – А ты знаешь... Я тебе помогу.

– И как же вы можете мне помочь?

Но вместо ответа, Козелков юркнул в карман и протянул пареньку какую-то пошарпанную книжонку. Роман с пару секунд тарасился на книгу, после чего глянул на мужчину и подозрительно сощурился:

– Что это?

– Эта книжечка изменит всю твою жизнь, главное сделай так, как там написано.

– Ага. – недоверчиво выдал подросток и отпил ещё пива. – Ну и цена вопроса?

– Я тебе бесплатно её отдам. Главное потом передай следующему.

– С чего бы такая щедрость, дядя?

Павел молчал с пару секунд, как вдруг улыбка стала шире, а губы тихо прошептали:

– Она мне больше не нужна.